

K1383281

Анатолий
Ехалов

**ДОРОГАМИ
ЕРМАКА**

Брянская областная
универсальная научная
библиотека им. Н.В. Бабушкина

ДАР 000
Творческий
центр «Матиза»

Анатолий Ехалов

ДОРОГАМИ ЕРМАКА
от Сухоны до Иртыша

к. 1323281

Вологда • 2007

A. Еханов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни каждого народа, каждого государства бывают взлеты и падения. Но одни, испытывая трудности, давление, агрессию извне, деградируют, сходят с исторической арены, а другие, наоборот, набираются сил, крепнут и в результате умножают численность - свою и пространства.

История русского народа, российской государственности - яркое тому подтверждение.

Анатолий Ехалов обращается к тому периоду нашей истории, когда Россия времен Ивана Грозного испытывала колоссальное давление со стороны своих соседей: Европа во главе с папой римским и польским королем Стефаном Баторием объявила крестовый поход против России, крымский хан Давлет-Гирей в очередной раз совершил коварный набег и выжег Москву дотла, Ногайская орда, хан Кучум на Востоке точили против наших предков булатные ножи, сжигая наши села и деревни, убивая мужчин, уводя в полон женщин и детей. Русскими рабами были полны рынки Кафки и Генуи. А еще бубонная чума, пришедшая с Запада, выкосила едва ли не половину населения страны. Казалось бы, все, Россией покончено.

Но на Севере страны народ накапливал силы и физические, и духовные, занимаясь, несмотря ни на что, созидательным трудом...

Не зря Вологодчину называют Северной Фиваидой. Сотни наших монастырей становятся центрами и просвещения, и передовых сельскохозяйственных технологий, и военными крепостями с хорошо обученными гарнизонами, и заводами по производству оружия...

Устюжна Железопольская добывает железную руду, кует мечи и льет пушки, Тотьма варит соль, ценимую на вес зо-

лота, Устюг Великий осваивает торговые пути студеных морей и становится богатейшим городом не только России, но и Европы, солепромышленники Строгановы уходят на Урал и начинают его промышленное освоение, ставя заводы по производству меди, олова, железа...

А далее стремительный упреждающий поход Ермака на Сибирское царство и его фантастические победы явили миру уже не слабую, умирающую Россию, агонизирующую под ударами вражбых сабель, а исполина, встающего во весь богатырский рост от Балтики до Тихого океана.

...Народные предания гласят, что Ермак Тимофеевич родом вологодский, из села Вожбал, что под Тотьмой. И думать так, и считать так есть основания.

*Вячеслав Позгалев,
Губернатор Вологодской области.*

Ночные видения

Которую ночь снился один и тот же сон.

...Ночь. Излучина реки. Неусыпная река в каньоне крутых берегов. Внизу, на дне каньона, бьется пламя костра. Изливается рядом бессмертный фонтан с живой водой. Люди вокруг костра, сморенные тяжелым сном. В свете луны - безусое лицо мальчишки, рядом убеленный сединами казак в доспехах прижимает к груди острую саблю.

Бьется пламя, мятется. Древний казачий струг с медной пушкой на носу уткнулся в берег, спящий казак с пикой, и казак, положивший под голову шлем...

Луна, огромная, бронзоволикая, встает над каньоном.

Атаман в глубокой думе сидит на берегу. Луна серебрится на его доспехах, на рукоятке его меча. Время от времени он поднимает голову, прислушивается. Тиха июльская ночь. Только слышно, как шумит, изливаясь, могучий ключ, бьющий из-под земли, да шепчутся речные струи.

Но, чу, где-то далеко всхрапывают кони, раздается скрип уключин, и атаман чутко вскидывает голову, всматривается в клубящуюся туманом излучину...

А потом снился Новгород Великий. Тишина древнего кремля взрывалась шумом взлетающих голубей. Величественный памятник 1000-летию России. Чугунные фигуры Рюрика, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха... Ивана

Грозного... И неожиданно среди них живой Ермак. Ермак Тимофеевич. Покоритель Сибири.

Он машет призывно рукой, что-то силится сказать.

Я подошел.

- Домой хочу. Возьми, брат, домой меня. На Сухону...

- На Сухону? Но почему не на Чусовую, почему не на Дон или Волгу?..

...Я просыпаюсь каждый раз с чувством вины, будто что-то большое и важное не сделано мной. И что не зря является мне каждую ночь Ермак Тимофеевич...

В последний раз я плыл с ним в лодке по какой-то сибирской реке. Он стоял посреди смоленого струга, опираясь на меч, в полном боевом снаряжении, шлем его и золоченые доспехи сияли на солнце, над головой трепетало на ветру казачье знамя - синее с широкой кумачовой каймою. Кумач был расшит узорами, по углам знамени вышиты причудливые розетки, в центре на синем поле два белых диковинных зверя вздыбились друг против друга на задних лапах. Один зверь - лев с оскаленной пастью, другой - конь с рогом во лбу - олицетворение "благоразумия, чистоты и строгости".

Вслед за атамановым судном плыли по бурному Иртышу тридцать казацких стругов, полных Ермакова воинства, вдоль реки скакали на горячих конях лихие разведчики.

И снова он обращался ко мне и что говорил убедительно и страстно, но что - я не мог понять...

Наутро я дал обет собирать все известные материалы о Ермаке. И эти поиски и открытия захватили меня настолько, что вот уже несколько лет я живу историей четырехсотлетней давности, хотя и езжу по стране на современном скоростном транспорте, современными дорогами по современным городам и весям в поисках следов Ермака.

На Дону

...Стояла середина мая, но солнце палило так, словно был самый разгар лета. Травы в донских степях уже потеряли свою свежесть, пожухли от жары и сникли, только ковыль неутомимо махал серебряной гривой и гнал по донским просторам волну за волной.

На Дону говорят, что будто бы ковыль - это волосы погибших казаков, прорастающие сквозь землю. Сколько же их тогда полегло в этих краях за столетия русской истории в сражениях за свободу и лучшую долю? И белых, и красных, и просто казаков без всякого деления на цвета...

На высоком холме напротив города Белая Калитва - памятник князю Игорю, будто здесь принял он лютую сечу с половцами. Почти напротив Гребенные горы обнажают хребты белесых разломов, словно два исполинских дракона припали в великой жажде к реке.

Старики рассказывают, что два атамана, Ермак и Шадра, повздорили здесь из-за девушки и, чтобы не дойти до кровной вражды, разошлись в разные стороны. Атаман Шадра ушел с тремястами казаками на Кавказ и положил начало гребенским казакам, а Ермак ушел с пятистами товарищами на Волгу. Говорят, что перед уходом воздел он руки к небу и воскликнул: «Потрясите, горы!» И произошло землетрясение, и обрушились на Авиловых горах пещеры с атамановы-

ми богатствами. И будто бы искатели кладов до сих пор не оставили попыток найти атаманов клад.

...Ежегодно в Белой Калитве, казачьем краю, где глава района - он же атаман юрта, проводятся Каяльские чтения и вместе с ними фестиваль исторических клубов, посвященных временам «Слова о полку Игореве». Сюда, на берег реки Каялы, собираются представители десятков клубов со всей европейской части России и Украины. Казаки терские и кубанские, запорожские и донские, волжские и воронежские, яицкие и оренбургские.

На целую неделю берег Каялы покрывается бесчисленными палатками, дымит кострами, звенит песнями и клинками.

Словно в фантастическом фильме, перемешиваются здесь времена и эпохи, исторические наряды и персонажи. Молодежь России, наверное, лучшая ее часть, увлеченно играет в героическое прошлое своей страны. Сначала придирчивое жюри проводит конкурс на лучший исторический костюм, доспехи, вооружение, причем все должно иметь исторический аналог, в противном случае участник не будет допущен к турнирам, богуртам (так называется общая битва стенка на стенку при полном вооружении) и главному событию фестиваля - штурму крепости, построенной за неделю своими руками на берегу своенравной бурной Каялы.

Надо сказать, что ежегодно на европейской части России проводится несколько фестивалей исторических клубов: на Куликовом поле и под Бородино, на Каяле и у стен старого Азова... Проходят они при огромном стечении участников и народа, проходят при высокой организации и при фактическом отсутствии бюджетного финансирования. Каждый участник и вооружение себе готовит на свои кровные, сам и дорогу сам себе оплачивает, пьет и ест на свои...

И этот факт радует, поскольку участников множество, а значит, столько же и патриотов государства Российского, поскольку только истинный патриот решится на такие расходы.

...По вечерам у костров после ристалищ гоняют комаров запорожцы и кубанцы, донцы и гребенцы, слушают рассказы бывалых о старопрежних незапамятных временах.

Николай Николаевич Шалов - кузнец-оружейник, первейший рассказчик и хранитель истории. Вместе с Александром Гордиенко они практически за свой счет проводят в мае фестиваль на Каяле, а в августе - фестиваль «Азовское сидение», посвященный осаде трехсоттысячной армией турецкого султана города Азова с гарнизоном всего в пять тысяч казаков.

- Случилось так, - рассказывает Николай Николаевич ребятам, - что османы сумели захватить отряд донских казаков. А слава о доблести и воинском искусстве донцов широко катилась, вот османы и стали склонять казаков за большие деньги служить турецкому султану. Но казаки никогда не изменяли своей присяге. А тут или смерть, или служение врагу...

Вот атаман собрал товарищей.

- Снимайте, - говорит, - сапоги и высыпайте в них землю из ладанок.

Казаки всегда на груди носили в ладанках родную землю на случай, что если быть убиту и похоронену, то чтобы в изголовьях своя земля была.

Высыпали казаки землю в сапоги, позвали османов.

- Клянемся, - говорят, - служить на той земле, на которой стоим.

Османы думали, что они им клятву дают, и сняли стражу. И при первом удобном случае казаки ушли к себе, не нарушив клятвы.

Казаки всегда жили по принципу: «Нам не богатство дорого, нам честь казачья дорога!»

Вот и Ермак Тимофеевич никогда не стяжал богатства, хотя государству Российскому принес корону сибирскую, полную неисчислимых богатств...

...Тема Ермака у костров, можно сказать, любимая. И прежде всего здесь спорят, откуда родом Ермак.

- Какие могут быть сомнения? - подают голос ребята из Волгограда. - Родился он у нас в станице Качалинской в семье Тимофея Чигина. На сей счет есть запись в церковных книгах. Звали его Василием.

- Ерунда! - возражают из темноты. - Станица-то Качалинская появились много позднее, да и какие записи могли тогда делать в Диком Поле!

- Ермак родом из Юрьевца!

- Да нет же, с Чусовой, из строгановских владений. Фамилия ему была Аленин!

- И здесь неувязка, - возражают из темноты. - Строгановы пришли на Чусовую, когда Ермаку было за тридцать. Это все сказки Бажова!

- Здесь у нас на Дону любой малец скажет вам, что он праправнук Ермака, - старый казак Иван Иванович Колодкин укладывает на коленях шашку и поправляет роскошную седую бороду, свисающую почти до поясного ремня.

- Здесь он был, отсюда ушел в Сибирь, потому в Новочеркасске ему и памятник от донцов. Но я скажу, что в те времена было три атамана Ермака: один был на Волге, другой на Дону, третий на Дунае.

Документально известно, что в то время, как один Ермак поднимался по Чусовой на Урал, другой осаждал поляков в Житомире, третий гулял на Волге.

- Тогда что же это такое - Ермак? Имя? Прозвище?

- Вот говорят, что Ермак на татарском означает таган, котел, или северное - жернов - все это за уши притянуто. Ермак

- это полкан, это сильный, как конь, воин. В давние времена был такой народ-воин, мощный и сильный, который исчез «аки обры», вот Ермак и есть носитель духа этого народа...

... До поздней звезды под шум неусыпной Каялы не смолкали рассказы старых казаков о доблести и чести казачьего воинства, о тысячелетних традициях воинского искусства, о непобедимых системах казачьего рукопашного боя и казачьего «спаса»...

Наутро начинались турниры. В полных доспехах, со щитом и без щитов бились на мечах современные воины, носители воинского искусства и доблести наших славных предков.

К вечеру жюри подвело итоги. Все первые места в боях завоевали... вологжане, представители военно-исторического клуба «Исток» под руководством Вячеслава Шадрина...

Похоже, что члены жюри и участники боев были сильно обескуражены этим исходом.

- Вологжане? Кто такие? Из каких таких глухих углов добрались сюда? Какие у них-то могут быть воинские традиции?

Пришлось рассказывать о вологжанах - землепашцах и воинах, землепроходцах и мореходах, которые первыми проторили путь на Урал, в Сибирь и далее через Тихий океан к берегам Аляски и основали там Русскую Америку...

И о том, что Вологодчина имеет не меньше оснований считать Ермака своим по рождению...

Тотьма

В конце июля мы отправились с оператором Владимиром Ильиным вдоль древнего водного пути, по которому наши предки ходили за Камень на Югру, в дальние сибирские края.

Начинался этот путь в истоках реки Сухоны, вытекающей из Кубенского озера. Это место в средние века называлось «Воротами Сибири». А сама Сибирь, надо заметить, звалась «Спящей землей».

Первые предания о Ермаке Тимофеевиче услышали мы не доезжая города Тотьмы.

В короне древних российских городов этот город наряду с Великим Устюгом сияет особым величественным и таинственным светом. Трудно найти в истории государства российского другой такой городок, который столько сделал для возвышения и славы Отечества.

Стоящий вдали от больших дорог на краю гигантских клюквенных болот, прошитых нитями потаенных рек, он хранит в облике своем, стенах и подземельях древних монастырей и церквей, музейных архивах и народных преданиях столько ярких свидетельств о подвигах пытливого русского ума и непоколебимого духа, столько загадок и открытий, что их с лихвой хватило бы, наверное, не на одно европейское государство.

В глубокой древности здесь было положено начало формированию индоевропейской языковой группы.

Здесь было положено начало горному делу в России.

Здесь был подлинный центр сопротивления и освободительного движения в смутное время польско-литовского нашествия.

Здесь местные купцы и солезаводчики накопили такой капитал, что к середине восемнадцатого столетия начали активно осваивать Аляску, Алеутские и Командорские острова, дойдя до Северной Калифорнии, испещрив своими именами карту Северной Америки.

Этот город зовут городом музеев. Ему присущ собственный архитектурный стиль, именуемый стилем морских открытий, или тотемским барокко.

Этот город называется Тотьмой, и название его можно истолковать как Божественная земля.

... В исторических исследованиях существует четыре версии о месте рождения покорителя Сибири Ермака Тимофеевича. Одна версия - пермская, которая говорит, что Ермак был родом из вотчин Строгановых на реке Чусовой в Пермском краю, вторая - донская или волжская, называющая местом рождения станицу Качалинскую, третья - двинская, опирающаяся на старообрядческую летопись, утверждавшую, что родом он был «...с Борку... с Двины», четвертая, малоизвестная, - тотемская.

Основанием тотемской, наиболее близкой нам, версии считаются записки тотемского головы Василия Тимофеевича Попова, относящиеся к концу XIX века, который, опираясь на народные предания, и делает этот вывод.

Записки эти были опубликованы в «Вологодских губернских новостях», в 47-м номере за 1898 год. Список их хранится в Тотемском краеведческом музее.

Думаю, что стоит привести здесь наиболее полно эти записки. Вот они:

«Предания в Тотемском уезде Вологодской губернии о Ермаке, завоевателе Сибири.

До сего времени, как известно, историческими изысканиями не открыто происхождение завоевателя Сибири Ермака, по выражению Карамзина, «родом не известного, душою знаменитого».

Об этом историческом лице сохраняется среди населения Вожбальского сельского общества, находящегося в тридцати верстах от уездного городка Тотьмы, такое предание:

«Отец Ермака Тимофей жил в нашей местности на починке Тимошкино, который от его имени и получил это название, а Ермак жил в деревне Слобода, в двух верстах от починка. (Деревня Слобода до сего времени имеет дополнительное название Тимошинской).

Отец и сын имели один топор и, в случае надобности, передавали один другому. В деревне Пахнусово того же общества есть предание, что Ермак жил некоторое время около деревни на починке, который по его имени до сих пор называется Ермаковым.

Ермак и отец любили петь, по выражению крестьян, «часто спевались».

Оба они, занимаясь разбоем, ушли в далекую сторону (вероятно, на Волгу) и, проходя мимо тотемского солеваренного завода, послали на свое место жительства в деревню Слободу трех крестьян с семьями, потомки которых живут в этой деревне, имеющей уже ныне более 120 душ обоего пола. Все домохозяева деревни Слободы Тимошинской по своим прозваниям (фамилиям) делятся на три части: Козловы, Баландины, Коневы. В других 22 селениях Вожбальского общества, которое состоит из 3500 душ обоего пола, крестьян

с такими фамилиями нет, что и служит доказательством, что нынешние жители Слободы Тимошинской действительно потомки переселившихся семей.

В Вожбальском обществе у приходского диакона Иоасафа Тихомирова, умершего в престарелых годах в 1864 году, хранилась старинная рукопись о Ермаке, но после его смерти эта рукопись затеряна, вероятно, уничтожена каким-нибудь невежественным лицом.*

Известно исторически, что соляные варницы близ Тотьмы существуют с давних времен: в XVI-XVII веках были здесь варницы, принадлежавшие родственникам сольвычегодских Строгановых, которые, тоже Строгановы, проживали в Тотьме и, весьма возможно, что они, зная лично Ермака, его отвагу и удаль, посоветовали ему отправиться в Сольвычегодск к знаменитым их родственникам.

Сношения между Тотьмой и Сольвычегодском не представляют никакого затруднения: от Тотьмы от Сольвычегодска только сухим путем 338 верст и между обоими городами существует водяное сообщение реками Сухоной и Вычегдой.

...К сожалению, в тотемских архивах не сохранилось никаких сведений о Ермаке, так как были в городе Тотьме в прошлом и нынешнем столетиях большие пожары. Архивы сгорели. Но замечательна уверенность старых людей Вожбальского общества о том, что Ермак завоеватель Сибири, был из их местности. Так, например, я имел случай говорить с одним престарелым неграмотным крестьянином Вожбальского общества, и на мой вопрос, в какое время жил у них Ермак, старик отвечал: при царе Иване Грозном, а на другой вопрос, что такого особенного Ермак сделал, я получил ответ, что Ермак завоевал Сибирь. Вот такой любопытный документ хранится в Тотемском краеведческом музее.

* Все эти сведения получены мною от нынешнего Вожбальского приходского священника о. Павла Казанского.

...Не доезжая Тотьмы километров двадцать пять, сразу за мостом через речку Цареву, несущую свои чистые воды среди бронзовых сосновых боров и высоких медоносных лугов, свернули на Вожбал, старинное село, что лежит километрах в пятнадцати от трассы.

Четыреста двадцать пять лет минуло с того времени, как Ермак ушел в Сибирь, казалось бы, вся память народная быльем поросла. Что говорить, коль уже вчерашних правителей государства Российского вспоминаем с трудом, а тут сквозь столетия писаной-переписаной, многократно искаженной истории вряд ли какая затесь о Ермаке в людской памяти сохранится...

Ан нет! Только мы остановились у крыльца вожбальского магазина, как вокруг нашей машины, на которой были начертаны слова «Дорогой Ермака», стал собираться народ.

- Что-нибудь про Ермака помните? - спросил я у людей.

Подвыпивший мужичок тут же ответил частушкой:

Мы туда гулять поедем,

Где могила Ермака.

Мы и нынешнее лето

Проваляем дурака...

- Уж не про нас ли песня-то? Мы как раз и едем на могилу Ермака в Сибирь, - спросил я мужичка.

- Не-е. Эта песня старая. Еще наши прадеды с ней на гулянки ходили...

- А вы поезжайте к Козлову Леониду Васильевичу на Пахнусово, он родом из Тимошинской Слободы. Он вам все расскажет и покажет, - включилась женщина с сумками. - Вон купол церкви виден. Поезжайте прямо на него, а там, у церкви, и дом Козлова. Если у дверей одна палка приставлена - дома он, если две - надо в соседнем доме у сына поискать.

...У дверей стояла одна палка. Я поднялся в избу и громко окликнул хозяина. На большой русской печи что-то зашевелилось, и на воле показались подшитые валенки, а потом на свет Божий явился и сам хозяин с всклокоченными волосами. Ему было около семидесяти.

- Родственников Ермака ищем, - пошутил я.

Козлов нисколько не удивился, а тут же вызвался проводить нас на свою родину, что была в нескольких километрах от его дома. В прошлом он был бригадиром, и вся округа ему хорошо знакома.

От деревень Ермаков Починок и Тимошинской Слободы не осталось сейчас и следа. Только названия полей и лугов хранят далекую историческую память.

Ермаковы поля превратились в луга, с которых пока еще берут сено, но, судя по подступающему к ним мелкоколесью, дальнейшая их судьба вызывает тревогу.

Меж лугов в низине, густо поросшей ивняком и ольхой, багулой и таволгой, чуть слышно течет речка Ермаковка. Когда-то, говорят, она была полноводной и кормила рыбой окрестные деревни.

Через лесную межу лежат зарастающие поля Тимошинской Слободы.

- Батка с сыном, старики рассказывали, были немереной силы. Друг другу из деревни в деревню топор перебрасывали, - похвалился Леонид Васильевич.

- Что, у них на двоих один топор был? - спросил я.

- Не знаю. Думаю, что так они силу свою тешили.

...Тимошинская Слобода намного пережила Ермаково. Погибла она уже в наши дни в результате кампании по ликвидации неперспективных деревень.

Оставив бывшего бригадира у дома, мы поехали в деревню Царева, где нашли Александра Васильевича Козлова,

выходца из Тимошкиной Слободы. Он тоже пенсионер, но богатырскую статью годы не сломили.

- У нас на Тимошкиной Слободе все такие были, - доложил он, протягивая могучую руку. - Бывало, пойдем на гулянку в Вожбал, сапоги с отворотами, блестят, за голенищами ножи, в руках трости железные... Сразу видно, Ермакова порода. Меня за свою жизнь никто не посмел обидеть. У нас в Тимошинской все такие. Все родственники, все Козловы... Мой родовой дом был срублен из огромных сосен, причем без применения пилы, одним топором. Такие дома способны сотни лет простоять и не покачнуться. Наши предки строились на века. Жалко было родную землю оставлять, да на то чужая воля была...

- А какие-то следы Ермака и его отца, кроме названий, остались?

- В нашей деревне лежал ствол огромной сосны. По преданию, ее свалили Тимофей с Ермаком, да ею по каким-то причинам воспользоваться не пришлось. На ней любили сидеть мужики, обсуждать деревенские заботы. Так вот, эта сосна, сколько веков пролежала, а гниль ее не забрала. Чистое смолье. Потом ее по какой-то причине распилили, так ее пила не брала. Сколько цепей сменили, пока раскатали. А чурбаки использовали на фундаменты домов.

Мы простились с Козловым.

- Передавайте там в Сибири привет от нас. Пусть не робеют. Если нужда будет - подсобим!

...Тотемская версия о рождении Ермака под Вожбалом вполне согласуется с логикой происходивших четыре с лишним столетия назад событий.

Одним из первых известных солепромышленников Строгановых был новгородский крестьянин Лука Козьмич, который принимал участие в выкупе из татарского плена деда Ива-

на Грозного Василия Темного, за что Строгановы впоследствии заимели расположение властей. После падения Новгородской республики Строгановы отправились искать лучшей доли на соляные источники на Сухону, а вскоре получили от Грозного царя жалованную грамоту на сольвычегодские земли, богатые соляными источниками. Здесь солеварение было более эффективным, чем в Тотьме, и богатство Строгановых стало расти еще быстрее. Далее они распространили свое влияние на пермские края и вышли на Каму, потом на реку Чусовую, где начали промышленное освоение Приуралья.

Скоро их деятельность потребовала защиты от набегов из-за Урала отрядов хана Кучума, завладевшего властью над Тобольской ордой, который, воспользовавшись семилетней войной Грозного с Европой, осмелел и стал досаждал не только Строгановым, но и местным сибирским племенам, давно уже платившим «белому царю» дань и рассчитывавшим на защиту Москвы.

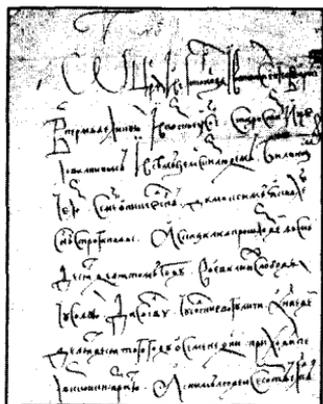
Но у Москвы, против которой Европа затеяла по сути крестовый поход во главе со Стефаном Баторием, были другие заботы. Она держала оборону на западных границах.

Кому могли Строгановы доверить такую миссию, кого могли вооружить, не опасаясь, что это оружие повернется против них же самих? Разве мог на такую роль подойти разбойник с Волги, который громил суда самого Ивана Грозного, везшие дары турецкому султану? Разбойник, приговоренный царем к смертной казни, которого искали царские стрельцы, чтобы поймать и доставить в Москву для отсечения головы?

Строгановы должны были хорошо знать Ермака и доверять ему. И насколько же он был близок Строгановым, чтобы те приняли на службу царского врага, пренебрегая царским же гневом в отношении себя?

Не будем торопиться с выводами, но есть основания думать, что Строгановых и Ермака должно связывать что-то очень серьезное, может быть, общая родина и годы совместной жизни. Тотма вполне могла быть родиной Ермака. Общей родиной для него и Строгановых. А может быть, их связывало нечто большее.

...Из Тотмы мы отправились в Великий Устюг, во времена Грозного один из самых богатейших городов на Руси, во владениях которого и находилась сольвычегодская вотчина Строгановых.

В Великом Устюге

В Великом Устюге дорога наша вела прямым ходом к Юрию Иванову, научному сотруднику Великоустюгского музея-заповедника.

Иванов в Устюге человек легендарный. Его знают и в Вологде, и в Москве, и в Питере, и за границей. Знают как вдумчивого исследователя истории государства Российского и как великого патриота города.

Когда он рассказывает об Устюге, то приходит в сильное волнение, глаза его начинают гореть, голос звенеть, а сам он не в силах устоять на месте. Его экскурсии - это не только вдохновенный рассказ, но еще и действие, некий особый ритуальный танец.

Высокий, худощавый, с рыжиной в бороде и сединой в волосах, светясь радостью, он бросился обниматься со мной, как со старым товарищем. С Ивановым мы встречались многажды на почве любви к истории, и каждый раз он поражал меня своими обширными знаниями о славном городе Устюге.

Вот и на этот раз, узнав, что вначале мы посетили Тотьму, он тут же во дворе музея разразился страстным панегириком в честь Великого Устюга, попирая гордыню тотемских краеведов и музейщиков.

В понимании Иванова Тотьма со своими солеварами и мореходами, подвигами и открытиями должна встать в затылок Устюгу и скромно помалкивать о своих исторических деяниях, которые ни в коей мере не могут сравниться с подвигами и открытиями устюжан.

Юрий Петрович так увлекся рассказом, выписывая при этом ногами замысловатый танец, что вокруг нас стали собираться зрители, приветствовавшие каждое громкое заявление о величии Великого Устюга аплодисментами.

- Еще в XV веке, - то ли рассказывал, то ли уже пел Иванов, - согласно летописным источникам, устюжане торили дороги в Сибирь. После Покрова они становились на лыжи и отправлялись на Югру (это пределы нынешнего Ханты-Мансийска) и возвращались к посевной, не потеряв ни одного человека.

- Это были дерзкие и смелые люди, - печатал вдохновенно Юрий Петрович. - Они в совершенстве владели и парусами, и веслами. А новгородских ушкуйников презрительно называли «ляпунами», поскольку те, по мнению устюжан, и грести-то не умели, а только ляпали по воде веслами.

Устюжане извели все дороги в Сибирь и по рекам, и по суше. Представьте себе, они ходили на стругах по Белому и Баренцеву морю, обогнув Кольский Нос, во владения кондейских немцев, то есть норвежцев, доказывать свою правоту.

- А вы знаете, например, что писал Иван Грозный шведскому королю Юхану? - строго спрашивал Иванов зачарованных слушателей и тут же отвечал на свой вопрос: - Он писал ему высокомерно: «Что твоя Стекольня, то есть Стокгольм, когда у меня один Устюг Великий много больше и богаче твоей Стекольни...»

На протяжении многих столетий это был один из самых богатых городов государства Российского. Именно во владениях Устюга, распространившего свою власть на Сухонскую, Югскую и Двинскую трети, добывалась слава не только это-

го города, но и всего государства Российского. Именно из устюжских земель управлялись пермские соляные промыслы и заводы по выплавке олова, меди и железа на Чусовой.

И если бы в середине XVI столетия не случилась великая катастрофа, постигшая все вологодские и устюжские пределы, - бубонная чума выкосила большую часть населения, то Строгановым не пришлось бы приглашать Ермака с Волги. Порядок в Сибири навели бы сами устюжане. Но, увы, устюжан как таковых - дерзких, отважных, умелых мореходов и землепроходцев почти не осталось... Так в истории появилось имя Ермака... - Этими словами Юрий Петрович закончил свой вдохновенный рассказ, подкрепив его ксерокопиями из Есиповской летописи о деяниях Ермака в Сибири с поминальным синодиком погибших там казаков. На родину Ермака Великий Устюг не претендовал.

Устюг Великий, кроме родины Семена Дежнева, Федота Попова, Ерофея Хабарова, правителя Русской Америки Матвея Булдакова, был еще и родиной Деда Мороза. А меня связывало с этим добрым волшебником давнее знакомство и даже, не побоюсь этого слова, дружба. Поэтому мы не могли не заехать в его имение. В древних верованиях славян Дед Мороз ведал миром наших предков, то есть, по сути, был хранителем древностей и истории.

Дед Мороз прокатился на нашей экспедиционной «Ниве», на удивление поместившись в ней вместе с посохом, и пожелал нам в дорогу попутного ветра... А мы пожелали, чтобы в его владениях появились персонажи и экспозиции, связанные с походами устюжан по студеным морям и Сибири...

Далее дорога наша лежала в село Красноборье Архангельской области, тоже претендующее на звание родины Ермака. И не только родины, но и центра по подготовке этого великого сибирского похода. Местные краеведы обещали открыть нам много невероятно интересного и даже сенсационного...

Красноборск

Сразу за Великим Устьем в Сухону, ныне стремительно мелеющую и год за годом утрачивающую судоходство, впадает Юг-река, и Сухона становится Двиной, но пока еще Малой.

И только при впадении в нее еще ниже километров на пятьдесят реки Вычегды, размерами своими почти не уступающей главной реке, становится она Северной Двиной. Поистине великой рекой.

Ученые приводят полное ее название, некогда существовавшее на древнеиндийском языке санскрите: Ардвисура Анахита, что означает «река двойная, чистая, непорочная». Или сокращенно Двина, то есть двойная река.

Сухона тоже имеет толкование на санскрите - легкопреодолимая, но вряд ли нужно это слово переводить. И так ясно: Сухона - сухая река, которую, из-за отсутствия дноуглубительных работ, сегодня легко можно перейти вброд.

Надо еще сказать, что самым близким к санскриту современным языком является русский, особенно его наречия по Сухоне-реке. Это и не удивительно, поскольку много тысячелетий назад на санскрите разговаривали наши предки. Это был их язык, от которого потом и произошла индоевропейская языковая группа.

...От Устюга до Красноборска, маленького, в шесть тысяч населения, районного центра Архангельской области всего километров сто. Асфальтовая дорога идет, рассекая сосновые боры. На дорогах машин не густо. Чаще встречаются медлительные лесовозы, натужно везущие сырье на целлюлозно-бумажный комбинат в Коряжме.

Признаков сельского хозяйства за границей Вологодской области почти не встречается. Пустые, стремительно зарастающие дурной травой поля наводят хандру, и сердце сжимается в тревоге. Сегодня на весь район всего триста коров и нет ни одного коллективного хозяйства.

В Красноборске нас ждут местные краеведы: Михаил Ожегов, работник районной администрации, и Владимир Сивцов, пенсионер. Оба они родом из Липовой Шеломи - удивительно красивой и в прошлом богатой местности, объединявшей до двадцати деревень.

Теперь в этом краю осталось несколько обитаемых домов, где летами живут пчеловоды. В семидесятых годах прошлого столетия власти признали этот чудесный край неперспективным, но многие не захотели бросать родину. Тогда убрали всю, как теперь говорят, инфраструктуру, закрыв школу, магазины, почту, медпункты. Но люди все еще держались родных крыш. Тогда отключили во всей округе электричество. Оставшись без света, прекрасная Шеломя скоро задохнулась.

Теперь, спустя десятилетия, вошло в традицию поминать добрым словом умерщвленные насильственным путем деревни.

Активисты во главе с Михаилом Ожеговым ежегодно проводят праздник шеломянских деревень, на который съезжаются земляки со всей страны, чтобы уронить слезу на родную землю, поклониться зарастающим погостам, над кото-

рыми лишь вьюги да метели долгой зимы поют свои печальные песни...

Так вот Красноборск, прозванный еще царством белого гриба за обильный рост боровиков, также претендует на звание родины Ермака.

Действительно, если взять Большую Советскую Энциклопедию, то там черным по белому написано, что Ермак родом с Северной Двины, из деревни Бор. Старообрядческая летопись также утверждает, что Ермак «... з Двины...з Борку...»

Правда, Борков у нас на Севере не считается. В Тотемском районе, как раз недалеко от Вожбала, тоже есть Борок на реке Кулой, относящейся к бассейну Северной Двины.

Подходящий Борок в свое время был и недалеко от Красноборска, и стоял он как раз на берегу Северной Двины, правда, со временем река поменяла свое русло, вырыла в песках себе другое ложе, оставив за собой лишь старицу с красивым названием Золотой Полой.

Вот на этом Золотом Полое и стоял до недавнего времени Борок, где, вполне вероятно, мог родиться Ермак Тимофеевич и куда спустя годы мог приплыть с Волги уже грозным атаманом. Легенда тех мест говорит, что плавал здесь Ермак перед походом в Сибирь на струге и бросал в воду золото, чтобы вернуться на родину. И с этих пор стало зваться то место Золотым Полоем...

А вот был ли на самом деле Ермак в этих краях перед походом на Сибирь?

Если следовать истории Карамзина, то вряд ли, поскольку, по Карамзину, промышленники Строгановы прислали с Чусовой на Волгу письмо Ермаку с приглашением послужить благородному делу на защите восточных границ Отечества. Было это 16 апреля 1581 года. А спустя два месяца с небольшим Ермак со своим отрядом был уже на Чусовой.

В конце октября Ермак со товарищи выиграл у многократно превосходящего противника генеральное сражение под Чувашским мысом, 5 декабря на озере Абалак казаки разбили десятитысячную армию Маметкула, племянника сибирского хана Кучума. В этом сражении на одного казака приходилось по двадцать неприятелей. И видимо, не лихой конной атакой дались эти победы - лошадей с собой с Волги по рекам не переправишь. И чтобы одержать блестящую победу в условиях Сибири, нужно быть к этим условиям готовым. И если следовать Карамзину, то у воинства Ермакова не было времени ни на раздумья, ни на подготовку к походу, ни на обучение к войне в новых суровых условиях. И вряд ли могло так быть: пришел и «одним махом двадцати побивахом...»

Все имеющиеся в первоисточниках сведения о Ермаке и его предподходном периоде путаны и противоречивы.

В летописях солепромышленников Строгановых сведения о Ермаке довольно скудны. Причины понятны. Приглашение царского врага, приговоренного к смертной казни, за которым гонялись по степи царские слуги, вряд ли стало бы громко афишироваться. Иначе гнев Грозного царя мог обернуться против самих Строгановых, да, кстати, потом и обернулся для Максима Яковлевича, одного из организаторов похода, железными оковами и сырой ямой.

В старообрядческих летописях, говорили мне красноборские краеведы, называлось другое время, когда Строгановы послали письмо Ермаку: 6 апреля 1579 года. Тогда возникает вопрос: где эти два года был Ермак со своею дружиною, если на Волге и на Дону за ним шла охота и многих его сотоварищей поймали и казнили... Ответ на этот вопрос мы нас повезли искать на Липовую Шеломю.

На поиски колодца Ермака

Через неделю пути на долю нашей экспедиции выпали серьезнейшие испытания. И не только нам досталось, но и нашей экспедиционной «Ниве». В поисках следов Ермака мы забрались в самые непроходимые дебри бывшей Вологодской губернии - Липовую Шелому.

От Красноборска до Липовой Шеломи километров пятнадцать грунтовой благополучной дороги. Машина взбирается на высокий холм, с которого отрываются окрестности на десятки километров. Ничего не скажешь - картина величественная и даже былинная.

Перед нами лежала утопающая в некошеных травах долина, рассекаемая речкой с остатками догнивающих деревень на берегах.

У кромки подступающего к долине леса виднелись две церкви - одна кирпичная, изысканной архитектуры с колоннами, другая мощная, приземистая деревянная.

Но несмотря на то, что признаков жизни в округе не проявлялось, крыша кирпичной церкви сверкала новым железом, и вокруг деревянной церкви тоже видны были старания заботливых рук.

- Я сказал сам себе и всем своим единомышленникам, - Михаил Ожегов любовным взором окинул округу, - придет

время, и мы сделаем на наших церквях золотые купола. И средства в развитие Шеломи вложим.

Накануне вот здесь, на холме, с которого видна вся некогда богатейшая округа, у памятного камня собирались бывшие шеломяне помянуть свою родину и обсудить, чем помочь ей и можно ли еще помочь.

Общими усилиями решили восстановить церкви. Деревянной было уже около четырехсот лет. Мы спустились с горы, прошли сквозь зарастающее кладбище, поднялись по лестнице под гулкие и пустынные своды древней святыни.

Она была рублена из сосновых бревен в полтора-два обхвата, пол и потолок набран из половинок бревен. За столько лет бревна не только не сгнили, но, кажется, набрали еще большую кремневую крепость.

Я подумал, что, наверное, так и народная память хранит в веках деяния, согласующиеся с народными представлениями о добре, удали и достоинстве, так же как и имена людей, их вершивших.

...Шеломя - это мемориал народной любви к Ермаку и его товарищам. Все здесь полно памяти о народном герое. И Ермаковский ручей, и деревня Ермачиха, основанная, по преданию, самим Ермаком, и Ермаков стан, где якобы стояла Ермакова дружина, и Ермаков погост, на котором хоронили умерших по каким-либо причинам воинов, и Ермакова гора, самая высокая гора в округе, на которой, по преданию, был его штаб и на котором была установлена вышка для наблюдением за окрестностями. Отсюда, с Ермаковой горы, было видно даже слияние Двины и Вычегды, и никто не замеченным в эти края прийти не мог. И прежде всего - царские слуги. Ведь дороги в прежние времена проходили по рекам.

На эту гору вела Ермакова лестница, выложенная из камня. Сейчас она заросла, но, по свидетельству краеведа Заши-

хина, в пятидесятых годах прошлого столетия по этой округе ходила специальная экспедиция местных учителей, которые искали следы Ермака. И они ту лестницу откопали, но сегодня она снова заросла, хотя еще много осталось людей, которые лестницу эту видели и сегодня могут указать ее местонахождение.

...Наука говорит, что нельзя придумать того, чего не было или нет. А в народе говорят проще: дыма без огня не бывает. Такое обилие преданий и прямых указаний на присутствие Ермака заслуживает всяческого внимания.

Попробуем снова логически домыслить ситуацию, которая складывалась к концу шестнадцатого столетия в России.

На востоке страны, там, где выходцы из Тотьмы - солепромышленники Строгановы начали широкомасштабное освоение Предуралья, добычу меди, олова, железа, коварный Кучум тревожит их заводы и селения набегами и готовит войну против России. Строгановы вынуждены обороняться всеми доступными способами.

И вот Строгановы приглашают дерзкого атамана и его сотоварищей на защиту своих владений, сильно рискуя, потому как узнай об этом царь - не сносить бы головы, с другой стороны, чего можно ждать от лихих людей? Того гляди, пограбят самих.

Но тем не менее Строгановы на этот шаг решились.

Естественно, поход на Урал и за его пределы должен быть хорошо подготовлен, сделаны припасы, изготовлено оружие, доспехи, пошита теплая одежда, построены суда, а люди обучены.

Для этой цели вполне могла подойти Шеломя, скрытая от людских глаз, тем более если для Ермака это были знакомые места. Да и Сольвычегодск, вотчина Строгановых, под боком. И Устюг Великий - город хлебный, и мастеров желез-

ных дел, оружейников хватает... И дороги водные в Сибирь устюжанами давно протоптаны. Через Вычегду на Северную Кельтму, там волоком на Каму, из Камы на Чусовую...

Краевед Зашихин писал лет пятьдесят назад, что суда для Ермаковой экспедиции строились на речке Уфтюге, на другой стороне Двины, и что местное население хранит предания и об останках огромного сгнившего струга, который звали Ермаковым.

Воинство Ермака, по его словам, проходило здесь обучение хождению на стругах, перетаскиванию их волком из одной реки в другую, преодолению мелководий. Для подъема уровня воды использовалось толстое просмоленное полотно или паруса, которыми перегораживали речки, и суда получали возможность продвигаться, невзирая на мели.

С Ермака и его воинства, считают местные краеведы, и началась жизнь в Шеломя. Наверное, и ребятишек за эти два года было понаделано по округе немало. Надо было как-то поднимать численность населения, которое сильно пострадало от мора 1571 года.

...Нынешние шеломяньские патриоты ставят перед собой задачу отыскать материальные свидетельства пребывания Ермака в Шеломя и на основании их разработать туристический маршрут, который, может быть, вдохнет жизнь в этот насильственно умерщвленный край.

- А хотите, мы проведем вас к Ермакову колодцу, где, по преданиям, спрятаны сокровища Ермака? - спросил Михаил, оценивая взглядом нашу экипировку.

Конечно же, мы хотели. И готовы были терпеть любые тяготы.

...О кладе Ермака здесь ходят упорные слухи. В том кладе, говорят, оставленном им перед походом в Сибирь, ценности были немыслимые. Вспомним: ведь Ермак на Волге грабил

не только купеческие суда, но и, по свидетельству летописей, громил посольские корабли самого Ивана Грозного, везущего дары ногайскому хану...

Не везти же было Ермаку со своей дружиною сокровища в рисковый сибирский поход... Его, по логике вещей, атаман должен был надежно спрятать.

...Сначала мы ехали заросшими полями, потом разбитыми лесными дорогами, по которым лишь изредка ходят лесовозы.

Через полчаса, поднявшись на холм, нашли деревушку в три дома, утонувшую в фиолетово цветущем чертополохе и ярко-красном кипрее.

Дома были огромны, построены с любовью и крестьянским рационализмом, но жизнь теплилась лишь в одном. Выскочила с лаем собачка-востоушка, потом вышли навстречу отец с сыном. Они добывают в этих краях мед и ведут отшельнический образ жизни.

Деревня называлась Погибелкой. Вот здесь, на ее задворках, по словам провожатых, и было Ермаково кладбище. Сейчас от него остались лишь небольшие ямы, все еще не затянутые временем.

За Погибелкой стеной стояла за многие годы некошенная трава. Наша «Нива» буквально утонула в ней. Но мы упорно продолжали двигаться вперед, пока не добрались до еле приметной в лесу и давно не езженной дороги, захлебнувшейся малинником да ольхой.

И опять выручил нас русский джип. Включив оба моста и пониженную скорость, мы медленно продвигались по этим диким северным джунглям. Я уверенно держал руль, но сердце мое раз за разом, когда машина проваливалась в невидимую колдобину или яму, проваливалось тоже. Если застрять тут, то можно застрять надолго, если не навсегда...

Ехали еще с полчаса, пока перед нами сквозь заросли ивняка не блеснула река. Далее нужно было форсировать реку и идти пешком.

Джунгли на той стороне стали еще гуще и злее. Крапива жгла даже через одежду, мошка лезла в глаза и в нос. Дорога резко пошла вверх. Начался сосновый бор с грибными россыпями. Белые грибы нахально вылезали на тропу, но брать их не было возможности. Попадались экземпляры размерами со сковороду. Ядреные, крепкие...

Потом мы вышли на вырубку, напоминавшую фантастическую картину конца света или падения Тунгусского метеорита... Пробраться через нее стоило великих трудов. А за ней была еще вырубка, не менее поражающая воображение апокалиптическими картинами.

А тропа упорно ползла и ползла вверх, пока, наконец, не вывела нас на вершину холма.

- Это одна из самых высоких точек нашего района, - сказал Михаил, почему-то приглушая голос. - Тут и колодец Ермака недалеко.

Дальше мы пошли уже без тропы, продираясь через обомшелые ветви елей. Где-то недалеко раздался вдруг протяжный человеческий стон, полный невыразимой тоски и страдания. Мы потрясенно остановились. Леденящий душу стон повторился.

- Клад Ермака, должно быть, заговорен, - сказал вполголоса Владимир Сивцов. - Раньше все клады были заговоренные...

- Стонет-то кто? - спросил я. - Может, кому-то помощь нужна?

- Я думаю, это погибшее дерево плачет. Упало на соседнее дерево, трется при ветре... Вот слышите?

Теперь было явственно слышно, что скрипят деревья. Но все равно это был стон. Стон умирающего леса...

И тут шедший с камерой Владимир Ильин, запутавшись ногами в черничнике, рухнул на землю. Спасая камеру, он выкинул ее над головой и принял удар сухой валежины на лоб. Камера была спасена, но из разбитого лба сочилась кровь.

- Про этот заговор старики рассказывали так, - продолжал Сивцов как ни в чем не бывало. - Сто человек будут пытаться этот клад поднять. Девяноста девяти он не дастся, а может только горести и беды принести, а сотый - поднимет...

В это время сквозь ветви блеснуло черное зеркало.

- Вот он, колодец-то! Смотри!

По соляному волоку

Слева от нас меж замшелыми елями блестел черный зрак маленького озера, и даже не озера, а скорее пруда. Откуда здесь, на вершине песчаной горы, было взяться этой наполненной водой чаше?

- Очень странное явление, - подтвердил мое удивление Сивцов. - Сколько уже десятилетий знаю эту мокрину, а ведь она не зарастает. И водоросли здесь не растут, и собаки этой воды не пьют, и всякий зверь ее обходит.

Тем временем Ожегов притащил огромную жердь и по поваленному дереву полез измерять глубину водоема.

- Жердь для этого дела не годится, - заметил мудрый Сивцов. - За многие годы у этого пруда образовалось что-то вроде дна из корней деревьев и напавшего сверху лесного мусора.

Мы с мужиками мерили глубину этого колодца железным шестиметровым прутом, а дна не нашли. Уходит до конца, как в масло.

- Старики рассказывали, - поддержал его Ожегов, - что клад Ермака здесь и что были не раз уже попытки достать его. Уже в наше время пригоняли машину с водяной помпой, откачивали воду. И один раз зацепили бочку и тащили ее и видели даже цепи, опутавшие ее, но бочка сорвалась и ушла в колодец еще глубже. И больше уже зацепить не могли.

- Видимо, казаки умели прятать клады. Я полагаю, что они выкопали здесь, на вершине Ермаковой горы, глубокий колодец. И как только дошли до воды, засмолили бочки и опустили их на дно. Да еще и заговор сотворили. Теперь достань его!

- Зимой если только буровую установку пригнать, - размышлял вслух Ожегов...

Мы вернулись в Красноборск поздно вечером с полным рюкзаком белых грибов. Ужинали жарехой у Михаила Ожегова.

Мишина жена подтрунивала над ним.

- Ты хоть бы когда-нибудь какую золотую безделушку из этого клада принес. Все пустой и пустой возвращаешься. А я вон на огород сходила и там клад нашла. И картошки, и моркови, и капусты...

...Для солепромышленников Строгановых несметные кладовые природа открыла сама. Говорят, что подземные соленые реки текут с востока на запад от самого Урала и достигают не только Вологодчины, но и Карелии.

Мощным потоком изливается из глубин земли крепкий соляной раствор и по сей день на Вологодчине в селе имени Бабушкина, бывшем Усолье.

Сегодня в добыче соли путем выпаривания нет нужды. Соляные озера Эльтон и Баскунчак позволяют открытым способом брать дешевую соль.

А на Бабушкинских или Усольских источниках лечатся от многочисленных грозных болезней люди. Курорт Леденьгск был основан в 1825 году. На нем поправляли свое здоровье еще ветераны войны с Наполеоном 1812 года.

В Красноборском районе известен курорт Солониha. Здесь поток соленой воды еще мощнее. Пятьдесят литров в

секунду изливается ее из глубин земли. Говорят, на этом источнике лечилось воинство Ермака.

Есть подобный курорт и в Сольвычегодске.

Несколько столетий эти соляные источники определяли экономику края. В Усолье мужики, работавшие на заготовке дров для солеварен, похвалялись: «Не пашем, не сеем, а хлебушек едим...»

Когда Строгановы перенесли основные промыслы вниз по Сухоне на Северную Двину в Сольвычегодск и оттуда в пермский необжитый край, где добыча соли была много дешевле и, кроме того, Урал был полон ценных ископаемых, бывшие тотемские солепромышленники ушли на Восток, к побережью Тихого океана и на ту сторону его за мехами, вложив в этот сверхдоходный промысел соляные деньги.

Купцы Пановы, Холодиловы, Черепановы скоро стали богатейшими людьми России. А вот ветвь Строгановых в Тотьме постепенно угасала.

Если Строгановы оставили немного материальных следов в Тотьме, то Сольвычегодск построен, можно сказать, на их деньги. И сегодня храмы, поставленные ими, создают неповторимый облик этого маленького городка на реке Вычегде, которая мощно несет свой водный поток и величием своим нисколько не уступает Двине.

Однако в наше время, когда финансовые потоки практически не выходят за пределы Московской кольцевой дороги, судьбы таких городков, некогда создававших величие России, незавидны.

В Сольвычегодске повсюду видны следы запустения и тлена. Храмы и дома, которыми могла бы гордиться не только отечественная, но и мировая культура, обветшали, осыпающейся штукатуркой, проржавевшими крышами и покосившимися крестами навевают тягостное настроение.

Отсюда, из Сольвычегодска, управлялось экономическое освоение Предуралья и Урала, и, видимо, здесь замышлялся поход против сибирского хана Кучума, жестоко досаждавшего своими набегами восточным рубежам русского государства и строгановским землям.

Отсюда вышла большая часть Строгановых, сотворивших экономическое чудо Пермского края. Они ушли из Сольвычегодска крестьянами, став на Урале баронами, а затем, уже в Москве, - графами.

Сегодня и эта дворянская ветвь Строгановых почти угасла.

Но заехали мы в деревню Цренниково, что лежит практически в черте Сольвычегодска, познакомились с первым попавшимся на улице человеком и выяснили, что все, кто живет в этой деревне, - Строгановы. И что Строгановых в Сольвычегодске хоть пруд пруди. Это крестьянская ветвь Строгановых, которой вымирание не грозит.

...Этим же днем отправились мы вдоль Вычегды, по которой в свое время ходили в Сибирь наши предки, дальше на Восток. Но не те реки, которые текут по поверхности, определяли наш путь. А реки, идущие от Усолья вологодского, Тотьмы к Сольвычегодску, от него к Соликамску и Усолью пермскому, речке Усолке у чувовских городков, откуда и начался великий поход Ермака.

От Кирова до Хлынова

В город Киров со стороны Сыктывкара ведут отличные дороги, но какие ужасные дороги ожидают путешественника, покидающего древнюю вятскую землю! И тут же вспоминается знаменитое: «В России две беды: дураки и дороги».

Не знаю, как насчет первого, но все же дороги в нашем многострадальном государстве, похоже, меняются в лучшую сторону.

От Коряжмы до Кирова через Республику Коми ведет прекрасная, европейского уровня дорога, из Перми до Тюмени можно хоть на боку катиться, хоть яйца катать - летишь, как стрела, но от Кирова до границ с пермяцким краем дорога убийственная, того гляди останешься без колес.

Но и здесь повсюду идет дорожное строительство, и можно думать, что года через два все эти ямы и ухабы будут заасфальтированы, и останется России избавиться от последней беды - глупости, которая, как мне кажется, состоит в том, что мы все время пытаемся жить чужим умом, не надеясь на собственный.

Полумиллионный город Киров прежде звался Вяткою, а еще раньше - Хлыновым.

Про вятских говорили: «Вятские - ребята хватские: семеро одного не боимся».

Или еще так: «Вятские - ребята хватские: двадцать на двадцать, так будем драться, а как двадцать один, так и котомки отдадим».

Не знаю, насколько верна эта народная дразнилка сейчас, но в прежние исторические времена ссорился Хлынов с Великим Устюгом и даже ходил на него войною, спалив город Гледен, предтечу Великого Устюга. На месте бывшего города Гледена стоит сейчас Спасо-Гледенский монастырь.

Отметим попутно, что от этого монастыря открывается чудесный вид: Великий Устюг как на ладони, просматриваются на несколько километров и Сухона, и Юг-река, и образовавшаяся от их слияния Северная Двина. Отличное место для воинского дозора. И, скорее всего, название древнего города звучало, как город Гляден, от слова «глядеть». То есть дозорный город.

Дозорный-то дозорный, а вот хлыновцев не углядел.

Впоследствии хлыновцы, когда уже их город дотла выгорел, в содеянном злодеянии в отношении соседа раскаялись и сделали у себя одним из самых почитаемых святых Прокония Праведного, который отвел от Великого Устюга каменную тучу.

А хлыновцы из своего лесного края не только на Сухону ходили подраться, но и саму Казань грабили, когда Золотая Орда еще в силе была, а Русь была ее данницей. И доносят предания седой старины рассказы, что забрали хлыновцы столько богатств в Казани, что до дому донести не могли и прятали по дороге в лесах.

Правда, в Кировских лесах искателей ордынского золота мы не встретили. А вот сам полумиллионный Киров встретил нас пикетами на дорогах. По одну сторону стояли молодые люди с плакатами, требовавшие переименовать Киров в Вятку, на другой стороне стояли те, кто ратовал за сохранение старого названия, хотя надо сказать, что Сергей Миронович

Киров никогда в Вятке-то и не бывал. Сторонников Хлынова при въезде в город не было, наверное, подумали мы, им не хватило обочины.

Вечером, посмотрев рейтинг этой борьбы на местном телевидении, мы выяснили, что за переименование Кирова в Хлынов вообще никто не выступает, а количество тех, кто борется за Вятку и за Киров, одинаково. Как в той поговорке: двадцать на двадцать, так будем драться...

Ермак в Вятке, тогда еще Хлынове, по всей вероятности, тоже не был. Если и проходил, то стороной, там, где протекает Кама.

Но следы Ермака и здесь нашлись. Наша телевизионная коллега из Кирова Татьяна Катаева, прочитав название экспедиции на нашей машине, вспомнила, что всех ее предков-поморов по отцовской линии звали в деревне Ермаками. Может быть, за высокий рост и чрезвычайную силу. Дед ее ростом был в два метра восемь сантиметров. Было у него шестеро сыновей, пятеро с войны не вернулись, не вернулся и он сам. И у бабушки на доме появилось пять звезд...

Давно это было, но и по сей день, когда Татьяна приезжает в родную поморскую деревню, местные жители кличут ее Ермачихой, а сынишку Ермачонком. По всей видимости, это было прозвище, которым довольно часто на Севере награждали крепких и сильных духом людей. В наших краях «ермак» - это мельничный каменный жернов, который перетирает зерно в муку.

В случае Ермака Тимофеевича Ермак, скорее всего, - это русская форма имени Ермолай. Да и слыханное ли на Руси дело соединять прозвище с православным отчеством? Я думаю, назови кто Ермака Котлом Тимофеевичем, так быть тому биту.

По дороге на реку Великую встретился нам крестный ход человек в триста, идущих с хоругвями и песнопениями... Это

были старообрядцы, идущие крестным ходом из Кирова на реку Великую.

Отрадно, что не только дороги в нашем Отечестве строятся, но и что духовные святыни возрождаются, историческая память возвращается людям, как после долгой болезни беспомощности.

Мы не могли не захватить на реку Великую к святому источнику, где во времена Ермака и Ивана Грозного была обретаена явленная икона святителя Николая.

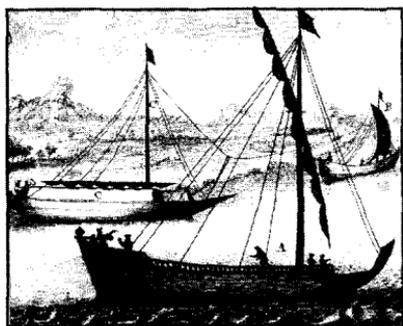
Некий местный крестьянин, проходя по своей надобности мимо источника, увидел в зарослях яркий свет, словно бы исходящий от множества свечей, и обнаружил там икону святителя Николая. Икона было доставлена в деревню, и тут же произошло от нее первое чудо. Не ходивший житель деревни, приложившись к иконе, встал на ноги.

С тех пор икона явила множество чудес. Ее перенесли в Хлынов, но ежегодно стали возвращать на место явления. Так родился Великорецкий крестный ход, который по своей протяженности и количеству паломников, должно быть, первый в России. Паломники проходят в первых числах июня за неделю около 120 километров, а количество участников этого крестного хода достигает 30 тысяч.

Та же коллега с Кировского телевидения рассказала нам о своей доброй знакомой - докторице, которая исцелилась от тяжелого недуга, пройдя с крестным ходом этот нелегкий путь.

Рассказов о подобных исцелениях здесь, на вятской земле, вы можете услышать множество.

У нас не было возможности пройти этот путь. Мы проделали его на машине и искупались в источнике святителя Николая перед тем, как отправиться в пермские края по следам Ермака Тимофеевича. И это купание в источнике словно влило в нас новые силы, которых потребовалось немало.

Куда ушли Строгановы...

Из Кирова выехали около обеда. Скоро дорога превратилась в сплошное испытание нашим водительским навыкам и вездеходной «Ниве».

В асфальте густо зияли ямы и провалы, на которых за просто можно было разбить не только легковой автомобиль, но, наверное, и боевой танк, мы уж не говорим о паркетных вседорожниках, густо наводнивших нашу страну...

Мы начали было ругать дороги и начальство, доведшее их до такого состояния, но тут же оставили это бессмысленное занятие. Перед глазами был величественный пример наших предков, которые шли на Урал и в Сибирь вовсе без дорог. И ругать при этом им было некого.

Мы принялись нахваливать наш отечественный автопром, отправивший нас в путешествие на неубиваемой «Ниве». Так ехали мы, пробираясь через колдобины и ямы часа два, и вдруг, словно по мановению волшебной палочки, дорога выпрямилась, расправилась и превратилась в идеальную, только что одетую в асфальт трассу. Мы ударили по газам и полетели сквозь девственные леса, то взбираясь на холмы, то опускаясь в низины.

Странно, ни одной встречной машины не попадалось нам, ни одной деревеньки не проскочили мы за сто с лишним километров пути. И никаких указателей, кроме километро-

вых столбов, не было на этой удивительной трассе. Мы вытащили атлас автомобильных дорог, изданный в прошлом году. Дороги, по которой мы ехали, в атласе не было.

Мы не на шутку испугались. Не на сверхсекретный ли объект ведет эта трасса? Но возвращаться назад мы не могли, поскольку горючее в баке заканчивалось.

Мы проехали уже около двухсот километров. Стало быстро темнеть. В очередной раз вылетев на вершину холма, мы с тоской вглядывались в безбрежное море тайги, в котором не зажглось до сих пор ни одного огонечка.

Стрелка запаса горючего давно уже лежала на нуле.

- Господи! - возроптал я. - Вразуми меня, почему Строгановым не сиделось в Тотьме или Сольвычегодске? Какая сила вела их за тридевять земель в дикие края, где опасность поджидала на каждом шагу, где требовались нечеловеческие усилия для того, чтобы сделать эти края пригодными для человеческой жизни...

А сколько уже столетий в дикие нехоженые урманы сибирской земли за Уральский хребет из обжитых, обустроенных вотчин пробираются люди! Что ищут они в этих непроходимых чащобах, зыбучих болотах, где черные тучи кровососов преследуют человека неотступно и готовы заесть насмерть, где морозы такие, что птицы каменеют на лету и падают на землю с глухим стуком? Каких богатств алчут они, какую правду для себя ищут в этой спящей земле?

Может быть, это зов памяти, сохранившей через тысячелетия лишь зыбкие, смутные, но неизменно живущие в людях чувства о том, что там, где встает солнце, лежит эта счастливая материнская земля, вынянчившая, словно в колыбели, род человеческий.

Вот что рассказывают древние ведические предания.

...Когда-то давно была планета Дея, пятая в Солнечной системе, но разрушили Дею злые Кощеи, превратив ее в пояс астероидов между орбитами Марса и Юпитера. И утвердили они свои оплоты на ближайшей Луне. В то время у Земли было три Луны: Луна Леля, которая обращалась вокруг Земли за семь дней, Фата - за четырнадцать и Месяц - за двадцать девять с половиной дней.

И собрались Кощеи, правители Серых, на Луне Леле и порешили Землю извести. Но Дажьбог уничтожил Кошечевы оплоты на Леле и спас Землю от разрушения. И сгнули Кощеи, но расплатилась за эту победу Земля дорогой ценой. Упали с небес радугой воды Лели на Землю и сотворили Великий Потоп, который скрыл под собой Северный материк - священную страну Даарию, в которой жили наши предки.

Тогда-то и появился обряд, который совершают на Пасху все православные люди, хотя и забыли о смысле его. В этот день люди красят яйца и бьются ими на крепость. Чье яйцо разбивается, то - Кошечеево, и символизирует оно разрушенную Луну Лелю, а то, чье оказалось крепче, называли Силой Дажьбога.

Произошло это в добиблейские времена. И могло бы так случиться, что Роды Расы Великой, то есть белые народы, погибли в Даарии под волами Великого Потопа, если бы не предупредил их о грядущей гибели Великий Жрец по имени Спас.

И предки наши покинули Священную Землю Даарию и по каменному поясу Уральских гор стали уходить от наступающего потопа. Шли они год, второй... Справа и слева уже подступали к горам моря, ревели злые волны, набрасываясь с остервенением на замшелые скалы, а люди все шли и шли, терпя лишения, голод и холод. И лишь на шестнадцатое лето вышли они на бескрайние и благодатные просторы, полные

молока и меда. И назвали эту страну Беловодьем и заселили ее, плодясь и умножаясь и расселяясь во все концы двух континентов. И назвали они эту землю страной Рассеяния.

«В Восточном море-океане, на острове Буяне, стоит Светлый град Асгард, - рассказывают Веды, - и омывают его две священные реки - Ирий и Обь».

Это место и есть легендарное Беловодье.

Если Ирий - Иртыш, а Обь - она Обь и есть, то город Асгард между ними - это может быть и нынешний Омск, и Томск, и Тюмень...

С тех пор и живет в памяти народной предание об удивительной стране, где текут молочные реки в кисельных берегах, стране Истины и Справедливости, стране Живого Огня...

В середине XIX века в Шацком уезде Тамбовской губернии было записано от умирающего старца удивительное предание о поисках этой удивительной страны. Поскольку, как мне кажется, оно имеет прямое отношение к нашей теме, я приведу его в сокращенном варианте.

Было это в конце первого тысячелетия от Рождества Христова. А если говорить точно, то лет за шесть лет до того, как языческая Русь приняла крещение.

Высоко над Днепром стояли белокаменные палаты великого князя киевского Владимира. Сидел в высоком тереме князь с печатью нелегких раздумий на челе: «Нет покоя Руси от набегов вражеских с запада, востока, юга... Нет на Руси единства, которого устрешили бы немирные соседи. Всем хороша вера славянская, красива, только есть ли в ней свет истины, если поклонение Роду разделяет ее на племена, дробит и не дает объединиться в единую, неодолимую врагами Русь?»

Уже отправил великий князь шесть богатых посольств, чтобы разузнать, где какая вера, чтобы затем выбрать самую лучшую для себя и всего своего народа.

Но когда улеглась пыль за последним, груженным богатыми дарами посольством, явился к великокняжеским теремам странник, по обличию славянин, но одетый, словно византийский монах, в черный, до пят, перепоясанный веревкой ветхий балахон. В руке странника был отшлифованный в долгих дорогах посох, на ногах - потрепанные в дорогах лапти, и был он довольно молод.

Назвался странник отцом Сергием.

Князь распорядился помыть его, накормить и препроводить к нему. Они долго беседовали, и отец Сергей поведал князю историю своей жизни.

Будучи в малолетнем возрасте, попал с торговыми людьми из Киева в Царьград, на святой горе Афонской был обращен в христианство, воспринял пострижение и, прожив там до тридцатилетнего возраста, вернулся обратно.

Князь принялся выпрашивать отца Сергия о христианской вере и сказал ему, что отправил в Константинополь посольство, дабы изучить веру и, может быть, перенять ее на Руси.

Молодой монах возликовал, ибо, по его убеждению, не было веры краше и выше православной.

Но князь не спешил ликовать вместе с монахом.

- А теперь послушай, что я скажу, - заговорил князь. - Вот уж которую ночь снится мне один и тот же сон. Является ко мне волхв с бородою до земли, стучит посохом и требует, чтобы я направил в поисках истинной веры седьмое посольство, но не говорит куда. А сегодня ночью старец сказал, что дорогу посольству укажет странник, который явится к моим воротам в полдень. Выходит, что ты этот странник. А теперь

говори, я жду, - и князь впился горящими глазами в отца Сергия.

На какое-то время монах глубоко задумался, а потом, встрепенувшись, заговорил:

- Есть одно древнее сказание про Беловодье, страну Истины и Справедливости, страну Живого Огня... Если угодно, то я тебе его поведаю.

- Я слушаю, - князь откинулся на медвежью полость, чуть прикрыв глаза.

- Было это в глубокой древности, - начал рассказ странствующий монах Сергей. - Один византийский царь, не довольствуясь верой своей, собрав мудрецов всей страны, просил их сказать, куда посылать посольства для выбора новой, лучшей веры.

После долгих пересудов один из мудрецов, приехавших с Востока, поведал, что далеко на Востоке существует страна Беловодье, или страна Живого Огня - сказочная обитель вечной Красоты и Истины, и что туда, по его разумению, и нужно обращаться за советом. Но беда в том, что не всякий ее может найти и проникнуть в нее, а только избранный - кто позван.

Царю рассказ о Беловодье запал в душу, и он не мешкая начал собрать посольство на Восток во главе с мудрецом.

Долгие годы ждал царь вестей от своего Посольства, но оно словно провалилось под землю. И вдруг через 21 год, когда уже и ждать его перестали, явился в Византию тот самый мудрец, который и повел посольство. Он вернулся один, все остальные погибли в дороге.

И когда вернувшийся мудрец рассказал царю о пребывании в стране Истины и Красоты, где все настолько было хорошо и разумно, что тот решил отказаться от своей веры и

Памятник Ермаку в Новочеркасске Ростовской области. Скоро появится памятник и на Вологодчине

На берегах Сухоны

Улочки старой Тотьмы

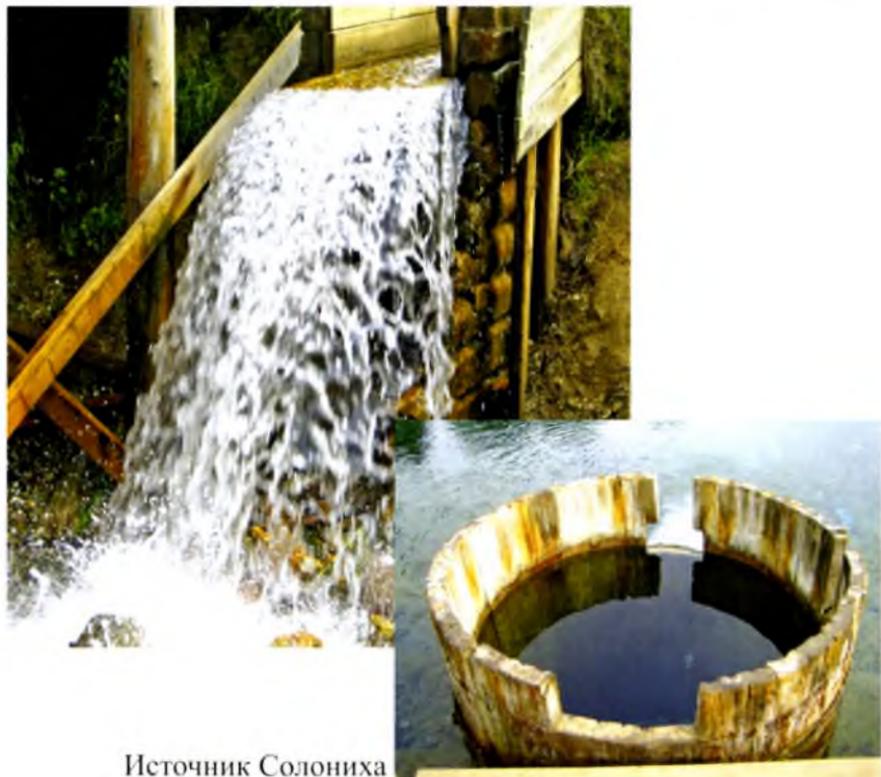
Речка Ковда. Вода в ней имеет выраженный солоноватый вкус

Так выглядят старинные рассольные трубы. Иногда они уходили в землю на 200-300 метров в глубину

Сухона в переводе с санскрита – «сухая река»

Источник Солони́ха

Липова Шеломя – култ деревень, связанных с именем Ермака

Деревня Погибелка

Наши проводники
к сокровищам Ермака

Красноборье иногда
величают «царством
белого гриба»

Вот он колодец Ермака

А это Вычегда.
При впадении ее в Двину

Сухона в Великом Устюге

Интервью Пермскому
телевидению

Такие храмы
оставили после
себя Строгановы

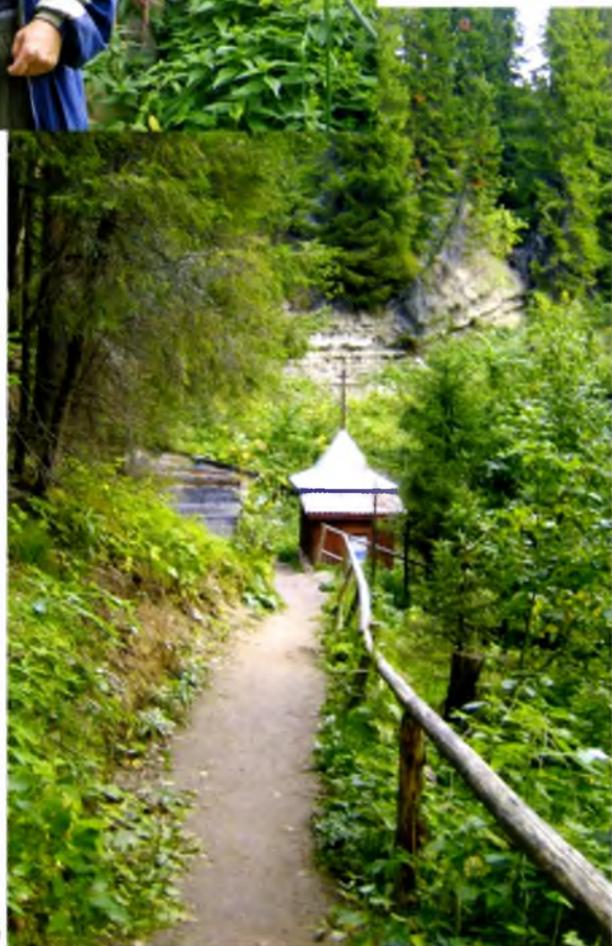
Нижнечусовские городки
попали в зону подтопления

Закат на Чусовой

Отшельник
Игорь

Источник
Трифона Вятского

Миша Злобин -
предводитель
Чусовских поисковиков

Мы в верховьях
Чусовой

Дед Василий –
хранитель Чусовой

Утес
Ермака

Эти пещеры полны загадок

Здесь граница
Европы и Азии

Тобольск

Иконописный Ермак

Подчувашский мыс

Археолог Матвеев

Руки археологов

Дороги Вагая

С такой высоты прыгал Ермак, спасаясь от врагов

Условная могила воинов Ермака

Цветы на несуществующей могиле Ермака

Около тысячи километров на веслах и под парусами прошли дорогами Ермака курсанты Велико-Устюгского речного училища

Сегодня дети и
взрослые играют
в Ермака

Встречи на Дону

Современные казаки и рыцари

Победители
турниров -
вологодские парни

Защитники

Стены Псковского
кремля помнят Ивана
Грозного и воинов
Ермака

Под крылом Великая Россия

Снимается кино.
Операторы В. Ильин
и А. Шиллов

вести новую. Но сделать это он не успел. Тяжелая болезнь свела его в могилу.

- Вот все, что я могу сказать словами древнего предания, - закончил повествование отец Сергей.

Владимир напряженно молчал, но в глазах его светился огонь.

- Решено, я собираю посольство на Восток, - заговорил он страстно, меряя шагами горницу. - И в эту неведомую страну посольство поведешь ты! - его указующий перст уперся в отца Сергия.

...Отцу Сергию было дано шестеро из людей высокого рода в помощники, много знатных воинов и большое число слуг. Всего народу в посольстве было 333 человека.

Князь рассчитывал, что года через три оно вернется. Поначалу все шло, как задумывалось. Через год из соседних земель дошли известия, что посольство его встречали в пути на Восток. Но потом посольство словно кануло в воду. Ждали его в Киеве три года, семь, двенадцать и все тридцать, но не было о нем ни весточки.

Решили, что погибло посольство княжеское, оплакали его, да и забывать стали, а князь тем временем крестил Русь в христианство.

Спустя сорок девять лет после того из Царьграда с торговыми людьми прибыл в Киев старец-монах и остался здесь дожидаться смерти, поселившись отшельником в скиту.

И вот через семь лет, предчувствуя скорую кончину, призвал он священника и на исповеди поведал тайну своей жизни, которую, как наказывал он, следует передавать из уст в уста, как сокровенное сказание.

Сказание это станет достоянием народов Земли само по себе, но лишь тогда, когда для этого подойдет срок и будет наступать Новое Время.

«Я тот монах, отец Сергей, который 56 лет тому назад был послан великим князем Владимиром Красное Солнышко с посольством искать Беловодье. Давно уже нет в живых князя, и не перед кем мне держать отчет, но то, что я видел и слышал, чувствовал, это мое сказание не должно порастить бльем. Слушайте, запоминайте, передавайте из уст в уста, пока не настанет это Новое Время.

...Первый год мы ехали хорошо, мало потеряв людей и скота. Но, проехав два моря и много земель, продвигаться становилось все труднее и труднее. Гибли лошади и люди, дороги становились непроходимыми. А в расспросах ничего нельзя было узнать. Началось недовольство людей, которые, не видя приближения цели поездки, роптали.

К концу второго года путь проходил по пустыне. Чем дальше ехали, тем больше попадалось на пути костяков людей, коней, верблюдов, ослов и других животных. Доехав до места, которое сплошь было покрыто костями на большом пространстве, люди отказались ехать вперед.

На общем совете решили, что желающие вернуться поедут назад, и только два человека согласились ехать со мною вперед.

К концу третьего года пути один, затем и другой мой спутник занемогли, их пришлось оставить во встретившихся на пути селениях.

В одном из селений старейшина рассказал мне такую историю: примерно лет тридцать назад проезжал здесь искатель Страны Чудес. С ним был караван на верблюдах. Проводник этого каравана еще жив, до него лишь три дня пути. Тотчас я послал за ним и упросил вести меня дальше. Меня проводников, я медленно продвигался на Восток.

Один из проводников обрадовал, рассказав, что по преданиям здесь и раньше проезжали желающие найти Заповед-

ную Страну, лежащую на Востоке. Горячо молясь, я просил Господа вести меня дальше.

Еще несколько проводников сменилось, и я попал на такого, который мне рассказал, что там, на Востоке, примерно в 70 днях пути, лежит диковинная страна, куда многие стремятся, но только редко кто может проникнуть и мало кто возвращается.

Чем дальше я ехал, тем сведений поступало больше. Не могло быть сомнения, что страна, куда я стремился, существует на самом деле.

К вечеру я уловил первый звук, летевший мне навстречу, - рассказывал умирающий старец. - Вскоре на откосе горы, направо, я увидел жилище, освещенное последними лучами заходящего солнца. К нему я и пошел. Оно было сложено из камня. Возблагодарив Создателя, дающего мне пристанище, я безмятежно уснул.

На рассвете я был разбужен голосами. Предо мною стояли два человека, говорящих на незнакомом мне языке. Но странно: каким-то внутренним чувством я понимал их - и они понимали меня.

Они спросили, имею ли я нужду в пище. Я ответил: имею, но только в духовной.

Я пошел с ними. Они привели меня в селение, где я и пробыл некоторое время. Со мною много беседовали, и на меня был возложен ряд занятий и работ, выполнение которых давало мне величайшее удовлетворение.

Затем повели меня дальше, сказав, что настал для этого срок.

В новом месте встретили меня как родного и вновь, когда наступил срок, повели дальше и дальше...

Я потерял счет времени, ибо не думал о нем. Каждый день приносил мне все новое, удивительно мудрое и чудес-

ное. И казалось мне иногда, что все, что я переживаю и что со мною происходит, - диковинный сон наяву, чему я не нахожу объяснений.

Наконец мне сказали, что подошел срок моему возвращению домой и что путь будет лежать через Царьград.

Пока ум человеческий не может вместить того, что я там видел и чему научился. Но и для этого познания срок подойдет - и в свое время Господь откроет достойнейшим еще несравненно больше, чем мне.

Покидая сей мир, расскажу, что возможно.

Страна Беловодье, страна Живого Огня - не сказка, но явь. В сказаниях народов она зовется всюду по-иному. В дивных обителях там пребывают лучезарные, кроткие, смиренные, долготерпеливые, сострадательные, милосердные и прозорливые Великие Мудрецы - Сотрудники Мира Высшего, в котором Дух Божий живет, как в Храме Своем. Эти Великие Святые Подвижники, соединяющиеся с Господом, и составляют один Дух с Ним, неустанно трудятся в поте лица своего, совместно со всеми небесными Светлыми Силами, на благо и пользу всех народов Земли.

Много людей отовсюду стремится в Страну Заповедную, но за каждые сто лет проникает туда лишь семь позванных. Из них шесть возвращаются, унося с собою Сокровенные Знания, - и только один остается.

Находящиеся там живут сколько хотят и сколько им нужно. Для них остановлено время.

Что творится в мире, все там известно, все видно, все слышно. Когда дух мой окреп, мне давали возможность, вне тела, бывать на самой высокой горе, в Царьграде, Киеве, а также знать, видеть и слышать, что пожелаю.

Там точно известно, что православная вера для великого князя и всего народа нашей страны - самая лучшая: нет

веры духовнее, величественнее, чище, светлее и красивей ее. Только ей суждено соединить народы нашей страны и быть с ними неделимой.

Тысячу лет силы ада с бешеной яростью будут наступать безуданно и потрясать нашу Русь до основы... Чем страшнее напор, тем сильнее вера спаяет народ воедино - и ничто не заслонит Путь к Всевышнему. Огни залечат раны счастливой страны. На развалинах старого возродится Великий Народ, красотой духа богатый. Лучшие избранные понесут Слово Бога Живого по всем странам Земли, дадут миру мир, человекуам - благоволение и откроют Врата Жизни Будущего Века...»

Вот такое волнующее ум предание, дошедшее до нас через века, рассказывает нам о чудесной стране на Востоке. Есть свидетельства, что Ермак знал о Беловодье, отправляясь в сибирский поход. А если учесть, что в отряде его было три священника, что в походе соблюдались все православные традиции и законы, что Ермак требовал от своих воинов высокой нравственности и набожности, то нетрудно предположить, что Ермак Тимофеевич был не чужд мысли обрести Страну Всеобщего счастья.

Беловодье искали старообрядцы, бежавшие в Сибирь от церковных реформ Никона, искал его Рерих, ищут эту дивную страну и поныне, скорее всего, не подозревая, что она давно уже обретена.

В шестидесятых годах началось создание в Западной Сибири нефтегазоносного комплекса, которые было сопряжено с невероятными трудностями: непроходимые болота и топи, гнус и мошкара, пятидесятиградусные морозы, страшное бездорожье, все это было преодолено единой волей объединивших свои усилия народов СССР. Западная Сибирь стала для нас поистине страной Живого Огня, где миллионы людей

самоотверженно трудились, создавая наше обеспеченное будущее. И были этим счастливы.

Но вернемся, однако, к Строгановым.

... Строгановы, как рассказывает сама Строгановская летопись, пришли на Сухону из Великого Новгорода. Некий Спиридон Строганов, современник Дмитрия Донского, татарин по рождению, принял православие, за что татары, изловив его, люто терзали, сострогав с костей мясо. Отсюда, мол, и пошла фамилия Строгановы.

Но, скорее, это всего лишь красивая легенда, придуманная самими Строгановыми, в которую мало верят серьезные исследователи эпохи Ивана Грозного. Должно быть, фамилия эта образована от имени или прозвища Строган.

До 1480 года Строгановы были крестьянами и жили в Новгороде. Видимо, внук Спиридона Лука Козьмич Строганов был уже не бедным человеком, коль его имя значится среди тех, кто выкупал великого князя Московского Василия Темного из татарского плена.

После падения Новгородской республики, когда новгородские земли перешли под руку Москвы, все еще крестьянин Федор Лукич Строганов уехал на Сухону, где завел солеварни и преуспел в этом промысле.

У Федора от двух жен родилось шестеро детей. Трое сыновей, Афанасий, Диадиний и Аника, стали впоследствии купцами-солепромышленниками. О дочери Мавре, сыновьях Иване и Тимофее мало что известно.

Младший, Аника, родился в 1497 году и стал впоследствии одним из великих соиздателей строгановской империи. Едва Аника достиг совершеннолетия, как Федор отправил его на реку Вычегду, где были известны мощные выходы соляных источников.

Аника Федорович оказался успешным предпринимателем, соляные варницы его давали большие доходы, и скоро на Вычегде разросся город Сольвычегодск, ставший родовым гнездом Строгановых.

В 1545 году Аника Федорович, ему было в ту пору уже сорок восемь лет, получил от Ивана Грозного жалованную грамоту на вычегодские земли.

Но Анику уже манили новые края, где, по свидетельствам очевидцев, соль можно было добывать более дешевым способом, а земля была полна всевозможными богатствами.

Аника Федорович оставил на хозяйстве в Сольвычегодске младшего, Семена, и отправился с сыновьями Григорием и Яковом к «стоящему у солнца» камню, в Великую Пермь.

Я полагаю, они шли тем самым древним водным путем, который проложили задолго до Строгановых устюжане, установившие торговые связи с Сибирью. И шли не с одними заплечными мешками, а везли с собой мастеров-солеваров, рудознатцев, плотников, людей, умеющих держать в руках оружие.

Тогда земли ниже Соликамска считались пустынными, труднодоступными и незаселенными. Аника Строганов вновь обратился к Ивану Грозному с челобитной просьбой передать его сыновьям земли по Каме ниже Перми Великой. В 1558 году Иван Грозный жалует эти земли Григорию Строганову с условием, что Строгановы будут добывать здесь не только соль, но и металлы, что будут ставить для обороны от немирных племен крепости и содержать их гарнизоны...

Во владениях Строгановых оказалось около четырех миллионов гектаров земли по Каме и Чусовой, не считая сольвычегодских владений. Вчерашние крестьяне становились на глазах богатейшими людьми России. Писатель А. Иванов в книге «Вниз по реке теснин» пишет:

«Строганов мог набирать себе любых «неписменных и нетяглых» людей. И их, и Строганова мог судить только царь, то есть строгановская вотчина становилась «самостоятельным субъектом федерации». Строганов мог вести самостоятельную политику в отношении Сибири и на 20 лет освобождался от всех налогов».

Но что стоили бы все эти богатства, если к ним не были бы приложены энергия, воля, тяжкие и кропотливейшие труды, самопожертвование. Ведь не ради того, чтобы сытно есть и носить дорогие шубы, решились Строгановы на столь рискованное предприятие. Значит, было в них что-то такое, настоящее, материковое.

Сошлюсь снова на пермского писателя А. Иванова:

«Старость не брала Анику, человека исключительно энергичного, жадного и доброго одновременно, жестокого, охваченного страстями и вместе с тем богобоязненного. Он очень напоминал характером самого Ивана Грозного: как Грозный убил своего сына, Аника утопил в Каме свою дочь, желавшую выйти замуж без отцовского благословения...»

Надо сразу сказать, что Аника закончил свою жизнь в монастыре в Сольвычегодске под именем инока Иоасафа в 1570 году. Кстати, семидесятые годы станут для семьи Строгановых роковыми, когда вымрет наиболее деятельная часть их рода.

Строгановы развили бурную деятельность по освоению жалованных земель, продвигаясь все дальше на восток. Через десять лет к их владениям добавилось еще около пяти миллионов гектаров земель и угодий по Чусовой. На Каме уже стояли надежно укрепленные города Канкор и Орел, строились чусовские городки.

«... на том пустом месте на Чусовой реке... у соляного промыслу, где они ныне рассол нашли, - наказывал Строгано-

вым Иван Грозный, - крепости поделати и городок поставити и городской наряд скорострельный, пушечки и затинные пищали и ручные учинити, и пушкарей, и пищальников, и кузнецов, и плотников, и воротников устроити, и сторожей держать с собою для обережения от ногайских людей и иных орд... лес сечи до вершин, и пашни пахати, и пожити расчищати, и рыбными угодья и иными всякими владети...»

Строгановым разрешалось не только набирать войско, но и делать порох. Положение их укреплялось не только на Каме и Чусовой, но и в Кремле. Травознаи и лекари Григорий и Яков Строгановы сумели поднять со смертного одра любимца Грозного Бориса Годунова, которому в порыве гнева нанес увечья сам царь. Но вот самих себя ни Яков, ни Григорий спасти от неминуемой смерти не смогли. Они ушли из жизни в 1577 году.

Великая строгановская империя осталась на плечах восемнадцатилетнего Никиты Григорьевича и двадцатитрехлетнего Максима Яковлевича. Они оказались одни перед лицом надвигающейся угрозы со стороны хана Кучума, убившего Едигера, правителя Сибири, и вырезавшего всю его семью. И тогда, стремясь оградить себя от опасности, молодые Строгановы призывают на помощь Ермака.

...Скоро стемнело. Выстоялась ночь черная, как вороново крыло. Отчаявшись добраться хоть до какого-то жилья, мы готовились ночевать в дороге. Бензин заканчивался, машина дергалась и вот-вот должна была встать. И тут мы увидели в темноте едва приметную отворотку.

Землянка на Чусовой

Через несколько метров асфальт кончился, и машина запрыгала по колдобинам проселка. Дорога пошла под угор. В свете фар мы заметили холодно блеснувшую реку. И тут машина смолкла, израсходовав последние капли горючего.

Мы вышли в звенящей тишине на волю. Нужно было устраиваться на вынужденный ночлег в этом безлюдном месте. И тут в зарослях блеснул слабый, чуть видимый огонек. Кажалось, он исходил из-под земли, из самых ее недр. И от этого стало не по себе. Вспомнились тут же жуткие кладбищенские истории о призраках, блуждающих огоньках...

- Кто здесь? - раздался вдруг смиренный голос в зарослях, и перед нами на фоне потухшего неба проявилась темная фигура.

- Странники мы. Дорогу потеряли, бензин кончился. Ночевать надо как-то, - отвечали мы невидимому человеку.

- Мои хоромы вас не устроят, - отвечал человек. - Я под землей живу.

- Как так? - севшим голосом спросил я человека-тень.

- А в землянке. Отшельник я. Игорем зовут.

От сердца отлегло.

- Да мы народ бывалый. Нам бы чайку сварганить да перекусить. У нас все с собой.

- Ну, тогда милости прошу. У меня тут под берегом летняя кухня... И стол, и скамейки. Я только за светом схожу.

Скрипнули немазаные петли, на секунду призрачно осветился мир, и тут же человек растворился, исчез под землей.

...Мы сидели под навесом, керосиновый фонарь освещал небольшой пятачок под навесом, и тьма от этого становилась еще гуще.

- Я тут много лет уже прописан, - рассказывал отшельник за чаем. - Молю Господа и Богородицу об избавлении от соблазнов греховных. Человек слаб, а искушитель силен. Вот он за левым плечом нашептывает...

- Что нашептывает?

- Подбивает согрешить...

Отшельник Игорь оказался деревенским мужичком на вид лет сорока, хотя на самом деле было ему уже за пятьдесят. Борода да длинные волосы придавали ему вид благообразный, хотя в глазах его плескалась, как полное озеро, тоска запойного человека.

- Да какие же соблазны могут быть при таком образе жизни? - поразился я.

- А вот курить никак отстать не могу! - покаялся отшельник. - Не хватает воли. Да и выпиваю. Тут народу много едет. Поднесут выпить, а мне не отказаться. Да и молочное в пост опять же бывает...

...Утро занялось яркое, сочное. Мы проснулись в машине, потирая бока, вылезли на волю. Землянку отшельника выдавала железная труба, увенчанная консервной банкой. Вокруг землянки буйно росла крапива, сквозь которую проглядывали картофельная ботва и гороховые плети. Внизу расплавленным серебром играла Чусовая. На берегу ее в лощине виднелась маковка часовни и купальня.

Скрипнула дверца землянки, и на свет появился отшельник Игорь.

- Пойдемте, искупаемся, - предложил он. - Здесь под берегом источник чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Я тут вроде смотрителя.

Купальня и часовня были недавно отстроены и светились свежими сосновыми бревнами. Мы с Володей Ильиным первыми разделись и нырнули в хрустальную воду купальни, на дне которой виднелась галька и мелкие монеты, набросанные паломниками.

Вода обожгла так, что мы вылетели обратно наверх, словно резиновые мячи.

Отшельник не спеша разделся и погрузился в купальню, пав на дно, и долго лежал там в молитвенном экстазе.

- Я читаю на дне «Богородица дева, радуйся...» Купаюсь и летом, и зимой. И Бог здоровье дает... Вот всю купальню перестроил, старые бревна под водой распилил и вытащил, новый сруб сделал... Тут один богатый человек часовню заказал и привез, так я ее собирал...

- В наших краях святынь много, - рассказывал он, растираясь полотенцем. - Километрах в десяти ниже по течению на берегу рядом с Успенским монастырем будет часовня Трифона Вятского. Там тоже источник чудотворный, купальня.

Про Трифона Вятского мы слыхали и раньше. Он пришел на Пермь с берегов Белого моря, сбегая от насильственной женитьбы, поселился в столице строгановских владений Орел-городке, прося подаяние на паперти.

Здесь проявились его способности исцеления. У Якова Строганова умирал сын Максим. Строгановы, сумевшие поднять со смертного одра Бориса Годунова, не могли справиться с недугом наследника.

В отчаянии они обратились к Трифону с просьбой помолиться за здоровье наследника. Трифон усердно молился, и чудо случилось. Максим, будущий организатор похода Ермака в Сибирь, поправился.

Потом Трифон был пострижен в монахи, после чего открылся его дар целителя и провидца. Но в монастыре братия стала завидовать его дарованиям, и он ушел на Каму, поселился на Гляденовской горе, где поставил на высоком берегу келью, и принялся активно бороться с язычеством, сжигая деревянных идолов на капищах. Там у вогулов была священная ель, которой они поклонялись. Трифон ее спилил. Как это он сделал, трудно представить, поскольку предания говорят, что на ее пне свободно могли развернуться сани.

Столь решительные и смелые действия Трифона повергли местные племена в изумление, и даже шаманы не решились мстить Трифону. Жаловались Строгановым, но те встали на защиту Трифона.

Потом Трифон ушел на Чусовую, поставив там келью, являя народу чудеса исцеления и провидения. Некоторые исследователи утверждают, что Трифон как раз и благословлял Ермака с воинством на поход против Кучума.

Дальнейшая судьба Трифона складывалась словно в лихо закрученном триллере. Трифон досадил и Строгановым. Расчищая новину для посева ржи, он сжигал пеньки. Налетевшим порывом ветра огонь перекинуло на запасы дров для солеварен, заготовленные людьми Строгановых на пять лет вперед... Пожар был ужасным...

Вечером люди Строганова подкрались к Трифону, сидевшему на обрыве над Чусовой, и сбросили его вниз с огромной высоты. Но произошло чудо. Трифон не разбился. Более того, он сел в лодку, стоящую на приплеске, и переплыл на другую сторону Чусовой.

Максим Строганов, уже спасенный раз Трифоном, не мог сдержать гнева и посадил Трифона на цепь в яму. Трифон посулил такую же судьбу Максиму. Спустя недолгое время пророчество сбылось. Максим оказался по приказу Грозного в той же яме на цепи. Трифона по просьбе Максима отпустили, и он навсегда покинул Чусовую и ушел в вятские земли, где прославился строительством монастырей.

...Наконец-то нам удалось заглянуть в земляные покои отшельника Игоря. Тамбур, несколько ступеней, ведущих вниз, снова двери, кухонька с печкой и хозяйственной утварью, спальная комната с кроватью, половиками, переборка с отверстием, через которое отшельник проникает в молельню. В молельне горела лампада перед иконой Казанской Божьей Матери.

Я отметил, что в этой убогой землянке по-особому легко дышится и благостный покой покрывает тебя. Как мало на самом деле нужно человеку, если жить мыслями о вечном и божественном... К чему богатства, золото, дворцы, крутые машины и золотые пляжи Анталии или Канар, если можно чувствовать себя по-настоящему счастливым, избавленным от греховных страстей в такой вот тесной земляной пещере...

С этими мыслями мы поднялись на волю в сияние солнечного света, в мир, полный соблазнов и греха.

Два крутых джипа, сверкая лаком и никелированными дисками, остановились возле нашей «Нивы». Хлопнули двери, и на луговину вывалились толпа продвинутых конкретных пацанов с тетками.

- До-ро-гой Ермака, - прочитал бритый, хорошо упитанный браток. - Кто такой этот Ермака?

- Ермак, - поправил его отшельник Игорь. - Покоритель Сибири.

- А-а, помню, - напрягся бритый. - Это смотрящий с Волги с братвой сюда приканал... Говорят, где тут они общак закопали. Поискать надо...

Мы разжились у потенциальных кладоискателей бензином. До Перми было километров семьдесят, до города Чусового - пятьдесят. До Верхнечусовских городков - километров пятнадцать.

Варнацкий край

Когда-то в этом городе жил и работал журналистом Виктор Петрович Астафьев...

Это он назвал Чусовую «варначьим краем». Но чусовляне не обиделись на классика советской литературы.

Действительно, народ здесь собирался, что называется, орешек к орешку. Ссылные, беглые, любители воли и приключений, дерзкие искатели богатств... Народ, по определению Льва Гумилева, «пассионарный», которому палец в рот не клади, который и за себя постоять может, и за товарища...

Недаром в Чусовом существует школа олимпийского резерва, которая подготовила из числа местных жителей многих олимпийских чемпионов, чемпионов мира и Европы по борьбе, боксу, зимним видам спорта...

А ведь дети те примерным поведением не отличались. И знаменитая Мотовилихинская школа, где хулиган на хулигане хулиганом погонял, во время Великой Отечественной войны дала не одного, не двух, а двенадцать Героев Советского Союза.

...Город Чусовой, зажатый с трех сторон горами, невелик, но по-особому уютен. И не скверы и парки, не архитектура, создают этот уют, а дымные трубы Чусовского металлургического завода.

Завод этот, в сравнении с «Северсталью», с рукавицу. Но в очертаниях его возникает образ нашего счастливого пролетарского прошлого, воспетого в песнях и стихах.

Мы ехали в школу олимпийского резерва, вернее, в музей Ермака при этой школе, к его основателю, заслуженному работнику культуры СССР Леонарду Постникову. Поднялись на высокую гору, проехав мимо деревянного домика, обрамленного доспевающей рябиной, - музея писателя Астафьева - и остановились, зачарованные.

В закатном солнце Чусовой, лежащий в долине реки и покуривающий трубами завода, показался сказочной, родной и близкой рабочей слободой из бажовских сказаний.

И от этого на душе стало радостно и спокойно.

Я достал из багажника гармошку и заиграл «Уральскую рябину».

*Где-то поезд катится
Строчками огня,
Где-то под рябинушкой
Парни ждут меня...*

И на самом деле, застучали колеса на стыках и, желтоглазый поезд зеленой гусеницей прополз между гор. И рябина ярко краснела над нашими головами. Не хватало лишь самой героини песни, которая должна была и все не могла сделать выбор...

*Справа кудри токаря,
Слева - кузнеца...*

На голос гармошки скоро пришла местная продвинутая молодежь.

- «Ты отказала мне два раза, вот такая ты зараза» - можешь зажечь? - спросила бритая девушка с сигаретой в зубах. А может, это был парень... Или это было что-то среднее. Скорее всего, «оно».

Про «заразу» у меня мелодия не склеилась, и продвину- тая молодежь разочарованно ушла.

Но тут прикатил на «Ниве» народ постарше, посолиднее. В руках у одного был металлоискатель, у других - щуп и ло- пата.

Увидев надпись на нашей машине – «Дорогой Ермака», они, как показалось нам, несказанно обрадовались...

Одного звали Михаилом Злобиным, второго - Гошей Шо- шиным, третьего, с повязкой на голове, рекламирующей клин- ское пиво, звали Сергеем. Фамилии его я не расслышал.

- Вы кино снимаете про Ермака? - спросил Михаил. - Тог- да вам надо с нами дружить.

- А вы уж не клад ли Ермака ищите? - отвечал я, показы- вая на металлоискатель.

- Ищем. И причем давно...

Михаил Злобин оказался местным ювелиром, коллекцио- нером и хранителем всевозможных древностей - от угольных утюгов до украшений времен бронзового века, негласным ру- ководителем неформального клуба поисковиков...

- Я здесь находил монетку времен Бориса Годунова - это говорит о том, что русские появились здесь давно... Меня история очень привлекает, хотя материальных свидетельств, карт, письменных источников сохранилось мало. При Стро- гановых здесь жило очень много народа, добывали соль, бо- гатели, строили каменные дома, храмы, монастыри... А при затоплении Камским водохранилищем столько всего ушло под воду, что не высказать... Теперь вот мы по крупицам со- бираем древности, а сколько их под водой! Все, что предки нам оставили, на свалку истории выбрасывали... Жалко... - Миша Злобин искреннее запечалился. - Кстати, а песня про рябину как раз здесь и написана. На этой горе. Тоже теперь достояние истории.

- Что про Ермака сказать можете? - вернули мы в тему Злобина.

- Про клад Ермака много легенд ходит, и много людей ищет этот клад. Кто-то долбил скалу на Чусовой. Была такая легенда, что нашли крышку от шкатулки с картой клада и по крышке той пытались искать. Били тоннель частным образом лет пять, но закончилось все безрезультатно, - с охотой принялся рассказывать Михаил. - Если был клад, то он где-нибудь в районе верхнечусовских городков должен быть. Вряд ли они повезли с собой ценности на войну. Кто там им на эти ценности хлеба продаст? Важнее было взять с собой оружие, деньгами сыт не будешь. Значит, спрятали где-то в районе Верхних городков или Нижних.

А возможно, этими ценностями были оплачены Строгановым услуги за построенные струги, вооружение...

Говорят, сначала Ермак пошел по реке Сыльве - не получилось, пошел по Лысьве - тоже не получилось. Там есть место с названием Побоище. Может, не было там никакого сражения, а просто Ермак побил проводников, которые его не туда завели, и вернулся обратно в Чусовую.

Потом они пошли по Серебрянке - это был единственный путь в Сибирь. Говорят, что на острове Кокуй, где теперь столб «Европа – Азия» стоит, они зимовали.

Трудно им пришлось, многие казаки померли от холода и болезней. Некоторые стали роптать. Тогда Ермак установил строгий порядок: за трусость, предательство, дезертирство насыпать казаку в штаны песок и топить его в реке.

Мы и там, на Кокуе, искали клад Ермака, только безуспешно. На острове в советские времена устроили лагерь, заключенные мыли золото, все русло перекопано, а весь остров звенит: кровати железные, замытые песком.

А может, тот клад кто-то из казаков, вернувшихся из Сибири, взял. Ведь не один Ермак знал о кладе...

Тут Гоша Шошин, друг Мишки Злобина, длинноволосый, поджарый молодой мужик с внимательными умными глазами, вступил в разговор.

Гоша водил по Чусовой туристов, а в последние годы сплавляет их на резиновых катамаранах. Проплыть по Чусовой по порогам, стремительным перекатам среди новых русских считается престижным. Так что у Гоши дел хватает, но все же главным своим делом он считает поиски следов Ермака.

- Про Ермака прочитал всю литературу, что нашел, а клад так и не открылся. Точно, думаю, на Кокуе есть один из Ермаковых кладов. Всего, предположительно, их было четыре... На Кокуе мы все перерыли... Там с Мишкой Злобиным и познакомились, там есть большой могильник - у Ермака на Кокуе большая битва была с татарами: тысяча на тысячу сражались, но раскопать его мы не можем пока, надо приглашать народу много. Но есть надежда - копнем.

- Как Ермак шел? - Гоша, рассказывая про Ермака, загорался все больше. - На Чусовой до 11 утра ветра нет, потом начинает дуть вверх по течению. Они шли под парусами, там, где места мелкие, парусами речку перегораживали. На шитик 20 человек входило, так и поднимались до Серебрянки 120 километров.

На Кокуе зимовали, там лодки свои оставили с барахлом, налегке перевалили через хребет, где, думаю, сколотили новые суда и стали сплавливать дальше.

На Серебрянке все русло изгажено золотопромышленниками. Там памятник старателям Урала поставлен был в царские времена, на нем был золоченый орел, но во времена ре-

волюции его убрали. Там и алмазы копали, все исторические повороты спрямляли.

Но мы все равно ищем. И не ради денег, а просто все это нам интересно.

Гоша Шошин кивнул на нашу машину:

- Если вам помощь нужна - в любое время дня и ночи. Мы готовы ехать, плыть, ползти, искать, копать...

Ночевали мы в музее Ермака, созданном великим подвижником Леонардом Постниковым для того, чтобы воспитывать у детей чувство патриотизма. Музей этот более походил на небольшой музей деревянного зодчества, заросший ивняком и крапивой. Леонарду было уже за восемьдесят, но он повел нас по своим владениям, рассказывая о походе Ермака, сам воодушевляясь от этого рассказа.

Потом мы парились в бане по-черному с прогибающимися полами, и покосившимся полком, купались в маленькой речушке Архиповке у мельничного колеса, сидели на скамейке в зарослях ивняка и крапивы.

Справа и слева высились лесистые горы, в небе светили крупные яркие звезды, и было ощущение полного счастья.

...На следующий день с Гошей Шошиным мы забрались на «Ниве», загрузив в нее резиновую лодку, мотор и провожатого Сергея, в верховья Чусовой.

Красота была необычайная. Река, зажата в теснины скал, словно норовистый конь, бурлила на перекатах. Хариусы то и дело взлетали в воздух, охотясь на мух и стрекоз, редкие рыбаки, забредая в воду, тягали из тугих речных струй рыбу. Дым от костров поднимался вверх прямо и, достигнув вершины лесистых скал, растворялся в небе... Небо из этого дивного колодца казалось глубоким и необычайно голубым...

Дорогой Гоша опять завел разговоры о кладе:

- По моим подсчетам, в поход пошли 1200 человек. А у казаков был такой обычай: все завоеванное делить поровну. Когда пошли, что-то отложили на «общак» - Ивану Грозному, все остальное поделили. И было у них 1200 мешочков золота. А вернулось только сто человек. С голоду померли, в боях погибли. А в бой с мешочком не пойдешь - прикопаешь неглубоко, чтобы после боя взять... Нам не надо 1100 мешочков, надо найти один. И на всех хватит...

- А если не найдем? - спросил я.

- Не найдем, так сколько впечатлений, сколько неизвестного для себя откроем. Это дороже всякого золота стоит.

- Вполне возможно, - согласился я.

- Я думаю, клад надо искать в Сибири. Вот вы туда поедете скоро, если чего узнаете - звоните, мы прилетим тут же...

...На берегу нас уже ждали. Колоритный дед с гривой седых волос и седой бородащей радостно захлопотал:

- Гоша, друг мой дорогой, пожаловал! Как я тебе рад! А ты слышал, Гоша, какое у нас тут чудо произошло, до сих пор у местного народа волосы дыбом стоят!

- Опять, что ли, метеорит прилетел?

- Хуже, Гоша, хуже. Тут у нас одна косметическая фирма по Чусовой на катамаранах сплавлялась. Представь, триста баб и всего четыре мужика на подкачке...

- Это мужикам тем надо было бояться, а вы-то, мирные жители, чего испугались?

- Как, Гоша, чего?! Страсть-то какая! Все триста баб в голом виде плыли... И всего четыре мужика... На подкачке. Ну-ка, ты, если бы они на берег сошли...

Перед дорогой присели попить чайку. Дед Василий организовал. Он на Чусовой вроде предпринимателя. Когда-то при советской власти замыслили поставить тут шикарную базу отдыха. Василий должен был заниматься строитель-

ством, но грянула перестройка. Остался Василий не у дел, поставил пару домиков, в одном сам живет, другой туристам сдает... И друзей у деда Василия море.

- Хошь, историю про Гошу расскажу? Забавно! - хитро прищуривается дед. - Два года тому назад было, много интересных людей собралось тут. Сидим, шашлыки жарим. Появляются из темноты черные археологи. Гоша с ребятами в красных куртках, те - в камуфляже. Через рюмочку разговор зашел. Ищут одно и то же. Одни - клад Колчака, и те - клад Колчака, одни - клад Ермака, и те тоже.

А до этого зимой информация шла по «Маяку»: будет звездный дождь, метеориты станут на землю падать. Потом вечером иду к дому, вижу: фиговина вот такая летит, за горой сыграла, за елками. Взрыв - вижу, осколки летят. И прямо мне в крышу. Я взмолился: «Господи, прinesi!»

Чуть-чуть не задело трубу и упало где-то в огороде.

Три дня мела пурга... Все замело. А у нас тут такие метели, что дома по крыши заносит. Не пойдешь искать. Вот весной-то я и рассказал у костра ребятам про метеорит. Они до утра еле дождались. Утром весь огород перекопали, подсобили нам с бабкой.

Тут Гоша сам вклинился в разговор:

- Включили мы металлоискатели: тут звенит, там звенит... Оплавленные куски металла. Метеориты бывает каменными, железными и железоканненными. Этот был железным.

А накопили мы его пять килограммов с лишним. Запрашиваем через Интернет расценки. Когда подсчитали - истерический смех охватил всех. Здесь у нас богатства на 800 миллионов долларов!

Тут же звоним в Центр подготовки космонавтов:

- Сколько у вас стоит коммерческий полет в космос? Двадцать миллионов долларов? Платим по сорок. И без подготовки!

В Перми стали анализ делать: оказалась железная руда. Тут до революции гоняли железные караваны по Чусовой, сколько барок разбито об утесы, одному Богу ведомо, - Гоша весело рассмеялся. - Так вот мы в космос и не попали.

- Не горюй, Гоша! Кто ищет, тот и найдет. Метеорит-то точно в огороде. Своими глазами видел, - ободрил его дед.

...Через десять минут мы уже плыли по верхней Чусовой.

Атаман на Чусовой

Верхнечусовские городки - по сути, большая деревня с некоторой претензией на рабочий поселок. На сегодняшний день знамениты больше всего школой ремесел, хранящей традиции рукоделия со времен Строгановых, да пришкольным музеем Ермака. У нас все больше ощущений, что Ермак сопутствует нам, чудесным образом решая организационные проблемы путешествия.

Не успели мы объявиться в Чусовских городках, как тут же нашлись добровольные помощники в лице юных школьных краеведов под началом Н.В. Никулиной, хранительницы музея и собирательницы местных преданий и легенд о Ермаке. А начальник местного ДРСУ Николай Петрович Коханец выделил большой катер, чтобы добраться по Чусовой до Нижнечусовских городков, посетовав при этом, что самому все недосуг посетить это святое место.

- По праздникам только и вспоминаем! Нельзя так, - пожурил он сам себя.

...Чусовая была прекрасна. Высокие каменистые берега, по которым, цепляясь корнями за склоны, росли могучие леса. Солнце уже клонилось к закату, и на воде играли краски самых невероятных оттенков. Большие рыбы вылетали из воды и с шумом падали обратно. Мир и покой царили на всем чусовском просторе.

Через полчаса пути мы были у цели. Заросший осокой и камышом остров, в центре которого стояло несколько старинных лип, и был тем самым местом, с которого Ермак Тимофеевич ушел в поход против сибирских ханов.

Об этом свидетельствовала самодельная стела с изображением Ермака, едущего в лодке вслед за лебедями.

У летописца Сибири Семена Ремезова приводится описание Ермака, наверное, единственное, оставшееся в истории: «Плосколиц, черн брадою и власы прикудряв, возраст средний, плоск и плечист...»

Изображенный на стеле Ермак походил на это описание.

Центр островка был расчищен, сюда в сентябре приедут благодарные Ермаковы потомки, преклонить головы перед стелой. 425 лет Ермакову походу исполнилось нынче...

Вместе с школьными краеведами спустились мы на берег и поклонились памятнику великого похода. И тут рядом со стелой я увидел пустые глазницы. В траве белел человеческий череп. А рядом с ним лежали кости.

- Это водой вымывает, - сказали мне ребята. - Тут кладбище было.

Мы прошли вдоль берега. В одном месте виднелась в осыпи кирпичная кладка.

-Тут стоял дом Строгановых. А там была церковь...

В этом месте река многоводна и глубока. Камское водохранилище сделало ее таковой. Многие исторические места ушли под воду. В том числе и Нижние Чусовские городки, от которых остался лишь этот небольшой островок.

Но легенды и предания в памяти народной да названия местностей продолжают жить.

Кстати, надо сказать, что на Чусовой, многие названия попросту перенесены из-под Великого Устюга. Гора Шелом и местность Шеломя, деревня Гляденово и город Гледен,

Побоишна река и Побоишный луг, Слуды и Слудки, Усолья там и тут...

На правом берегу большая пещера, словно дыра в преисподнюю. Еще на подходе к ней чувствуешь, как дышит она могильным холодом, внутри небольшое озерко с такой чистой водой, что ни фотоаппарат, ни камера не замечают ее.

Есть легенды и совсем наивные. Будто бы Ермак сидел в пещере и при появлении судов натягивал железную цепь, останавливая их, а потом грабил. Когда царские войска пришли, чтобы покарать разбойника, он бросился в воду и утонул...

Но есть предания, сохранившие историческую правду.

Вот тут, на Побоишном лугу, чуть выше деревни Красная Слудка, незадолго до похода за Урал была сеча с сибирскими татарами, которые напали на русские поселения. Горели деревни и хлебные нивы, кровь пахарей, охотников, солеваров заливала землю, голосили угоняемые в полон русские женщины...

И тут враг столкнулся с воинством Ермака. Сибирцы численно превосходили Ермака, но тот выдержал бой на чусовских лугах, а к вечеру, когда битва стихла, предпринял военную хитрость, будто бы отступив по протоке на стругах в Васильевское озеро. Но той же ночью он с казаками переволок суда в Чусовую, которая в этом месте делает огромную петлю в двадцать с лишним километров и возвращается обратно, оставляя небольшой в два километра перешеек. За ночь Ермак оказался в тылу врага, утром напал на него и разбил на голову...

Это предание подтверждают и летописные источники, рассказывающие, что за два месяца до начала похода на строгановские вотчины по приказу Кучума напал из-за Урала мансийский мурза Бекбелей с ордой в семьсот человек, пожег многие русские деревни, взял большой полон.

Ермак настиг его, разбил и захватил самого мурзу в плен...

В сентябре 1582 года Ермак со товарищи отправился в Сибирь. Вот что говорит об этом Строгановская летопись:

«Строгановы, придав пятисотенной ватаге из городков своих ратных людей... буйственных и храбрых воинов 300 человек. Все их они удоволиша мздою, одеяния украсиша их и оружием огненным: пушечны и скорострельными пищалями семипядными и толмачев басурманского языка им даше.

И с 1-го сентября 1582 года Ермак с товарищи, отпеша соборные молебные пения, произнеся обети доблести и целомудрия, сел на ладьи и плоты и пустился вверх по Чусовой и плыл той рекой 200 верст, в продолжении четырех дней до устья р. Серебрянки».

Надо сказать еще раз о политической ситуации, которая складывалась накануне похода Ермака в Сибирь. Бывшее под жестоким гнетом на протяжении многих веков русское государство и русский народ не сломались. При Иване Грозном Русь стала быстро крепнуть и расширять свои границы. И это вызвало беспокойство у всех ее соседей. Мало того, папа римский по сути объявил крестовый поход против России, послав польскому королю Стефану Баторию меч с благословением похода на Восток. И Баторий начал войну против нас, с сорокатысячным войском вступив в русские пределы.

С другой южной стороны не давали покоя крымские татары, Ногайская орда, в Азове сидели турки, и турецкого султана к друзьям России тоже нельзя было причислить.

Русские крестьяне не успевали строить деревни, как тут же нападали кочевники, жгли избы и посева, угоняли в полон людей.

Русскими рабами были полны невольничьи рынки Генуи и Кафки...

За Уралом тоже точили кривые мечи. Кучум, воспользовавшись трудностями Москвы, пришел из Бухары со своими нукерами, вырезал семью сибирского правителя Едигера под корень и сам стал хозяином гигантских территорий. Но уже в то время Едигер был под покровительством Москвы и платил ей меховую дань.

Ободренный успехом, Кучум начал готовить поход на Русь.

Но и это были далеко не все беды России. В семидесятых по стране прокатился страшный мор. Бубонная чума выкосила едва ли не половину населения. Из семи миллионов осталось четыре...

А тут еще из Крыма пришел Давлет-Гирей со своей ордой и выжег незащищенную Москву дотла, забрав все, что можно было забрать, уведя в плен огромное количество русаков...

Казалось бы, участь России решена. Она лежала у ног алчных завоевателей бездыханная, и оставалось только разорвать ее труп на части... И вряд ли кто из недругов России мог предположить, что на Севере ее в трудах и страданиях копят будущие силы великой страны.

Для Строгановых это время тоже было драматическим. Ушли из жизни один за другим те, кто создавал эту великую империю - от берегов Сухоны и Северной Двины до Уралкамня. Умер Аника Федорович, умерли в 1577 его сыновья Григорий и Яков.

На хозяйстве остались восемнадцатилетний Никита и двадцатитрехлетний Максим. Одни перед лицом страшной угрозы...

И тогда они написали письмо на Волгу атаману Ермаку...

И вот здесь я осмелюсь высказать свою версию о происхождении Ермака. Поскольку исторические документы не

дают на этот вопрос прямого ответа, то попробуем ответить на него исходя из логики событий.

Похоже, что и впрямь атаманов Ермаков в те далекие времена было несколько.

В отчете польского военачальника Стравинского Стефану Баторию поминается Ермак Тимофеевич, казачий атаман, осаждавший город Могилев в июне 1581 года. Руслан Скрынников, один из самых авторитетных исследователей похода Ермака, сомневается, что атаман успел с западных границ попасть на восток с войском к 1 сентября и двинуться в поход на Сибирь. (Путаницу в годах в разных источниках объясним позднее).

Многие считают, что Ермак на востоке и Ермак на западе - совершенно разные лица.

Под Могилевом был Ермак, родившийся в 1540 году в станице Качалинской в семье донского казака Тимофея Чигина. Предания о нем популярны на Дону. Ему приписывают и сибирский поход.

Но, скорее всего, это не так.

Пришедший на помощь Строгановым Ермак, по логике событий, был очень близким человеком семье промышленников. И если вспомнить родословную Строгановых, то можно найти в ней и крестьянина Тимофея, сына Федора Лукича.

Соединив эти сведения с тотемскими народными преданиями, легко предположить, что Ермак был сыном Тимофея Федоровича. И он вполне мог жить на Вожбале под Тотьмой, и мог уйти в свое время на Сольвычегодск, где Строгановы набирали силы. Зная неугомонный и дерзкий характер Строгановых, можно предположить, что Ермак ушел искать своего счастья на Волгу, где и прославился как лихой человек, не дававший спуска ни Ногайской орде, ни турецкому султану, ни крымскому хану, ни самому батюшке царю Ивану Грозному...

Оттого-то и бросился он на помощь очертя голову своим племянникам Максиму и Никите на Чусовую, оставшимся без отеческой поддержки...

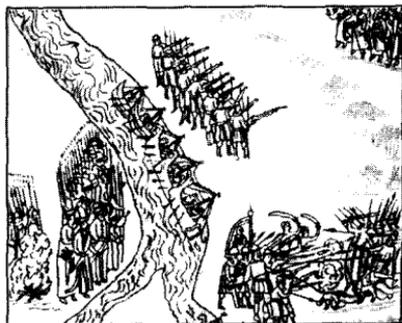
...Вскоре после того, как ушел Ермак за Урал, пришла в Чусовские городки опальная грамота Ивана Грозного, отправленная из Москвы 16 ноября 1582 года как ответ на жалобу чердынского воеводы В. Пепелицина.

Воевода сообщил, что Строгановы послали Ермака в Сибирь. А в тот же день на Пермь Великую напали кучумляне и пелымские манси, осадили Чердынь и многих людей побили.

Царь обиделся.

«А только бы вы мне служили, так вы бы тех казаков в те поры в войну не послали, а послали бы... наши Пермские земли оберегать...» Грозный писал, что велит перевешать тех казаков, которые «вас слушают и не остались оберегать Пермские земли».

За эту вину Максима Строганова посадили на цепь в яму. Там сидел уже Трифон Вятский, пожегший у Строгановых соляные дрова...

Сибирское взятие

Наконец-то мы перевалили Урал. Сделать это на автомобиле «Нива» оказалось совсем нетрудно. Несколько часов непрерывного наслаждения видами уральской природы, и мы в Сибири, открывшейся ровными, словно гигантские столешницы, золотыми полями доспевающих хлебов.

Ермаку с товарищами такой переход стоил огромных трудов, тягот и многих жизней. Я ехал по сибирским просторам и представлял, как радостно вырвались, наконец, казаки на эти равнины и пошли вниз по течению реки Тагил в Туру, давая отдых стертым в кровь рукам...

Впрочем, какая радость! Летописи свидетельствуют, что шли они, сопровождаемые кучумовыми отрядами, осыпаемые тучами стрел, от которых спасали только сплетенные из тростника щиты. Но время от времени казаки давали бой, громом пушек, грохотом затинных гаковых пищалей разгоня татарское воинство...

Летом 1581 года Кучумов сын Алей с татарами, войском пелымского князя перешел Урал и попытался напасть на Чусовские городки. Казаки отбили ему охоту воевать строгановские владения. Орда повернула на север и пошла по Каме, разоряя поселения и «учиния над православными много дурного», на город Чердынь. Это был пробный поход сибирских ханов перед началом более грозного вторжения.

И тогда казаки применили новую тактику ведения войн, рожденную ими в Поволжье в борьбе против крымцев и Ногайской орды. Тактику упреждающего похода.

Сохранились воспоминания атамана Черкаса Александра, занесенные в «Повесть о Сибирском взятии», которая была написана по велению сибирского архиепископа Киприана со слов оставшихся в живых казаков сорок лет спустя.

«И с тех мест учили оне, Ермак с товарищи, мыслить и собираться, как им дойти до Сибирской земли, до царя Кучума...»

Как утверждает большинство исследователей, 1 сентября 1582 года Ермаково воинство вышло в исторический сибирский поход.

Но вот в далее в датах начинается путаница. Ушли казаки в 1581 году, а в Сибирь спустились уже в 1582-м. И все главные сражения провели в 1582 году. Где же пропадали они целый год? Кто-то утверждает, что казаки зимовали на Кокуе и потратили целое лето, чтобы перебраться в Сибирь. Но загадка эта может расшифровываться очень просто. Во времена Ивана Грозного новый год для русских людей начинался не первого января, а первого сентября. То есть 31 августа был еще 1581 год, а 1 сентября был уже год 1582. Появляется для истории лишний год. Чтобы не путаться, мы будем года считать по-современному.

«Сии места, - писал историк Н. Карамзин, - еще и ныне ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, следы укреплений называются его именем. Ладьи тяжелые, оставленные им между Серебрянкою и Баранчею, еще не совсем истлели, и над их гниющими днами растут высокие деревья...»

Конечно, мы не могли видеть останки этих судов, потому как со времен Карамзина, написавшего эти строки, прошло

уже более двух столетий, но то, что места эти хранят и по сей день в названиях и преданиях имя Ермака и его товарищей, это очевидно.

На легких стругах вниз по течению, подгоняемые попутным ветром, казаки стремительно шли по Кучумову царству, стремясь как можно быстрее достичь Кашлыка или Искера, столицы сибирского царства. По пути они овладели несколькими городками, разбили в устье реки Тобол отряд мурзы Карачи, главного сановника Кучума, и к середине октября вышли на Иртыш.

...В Тюмени, нынешней нефтяной и газовой столице Западной Сибири, мы задержались только для того, чтобы связаться с археологами. И здесь, по всей вероятности, помогал нам незримо Ермак.

Рано утром я позвонил в институт, на кафедру археологии, рассказав о цели своей экспедиции.

В трубке раздался радостный возглас:

- Вы попали прямо в точку! Я как раз занимаюсь раскопками на месте гибели Ермака. Все лето я был в полевой экспедиции со студентами, приехал всего на час подписать бумаги, и тут ваш звонок...

Через пятнадцать минут мы уже ехали в направлении Тобольска на Иртыш. Но об археологической экспедиции и ее находках я расскажу позднее, а пока мой рассказ о Тобольске, вернее, об одной исторической части его - Чувашском мысе, где произошло историческое генеральное сражение, после которого развитие России пошло, как говорили прежде, семимильными шагами...

Кучум, встревоженный успехами отряда казаков, готовил генеральное сражение на Чувашском мысу. Здесь была его ставка, здесь было татарское городище, здесь, по представлениям угров, жили их боги, защищавшие и оберегавшие их.

И действительно, Чувашский мыс и по сей день производит сильное впечатление. Отвесные неприступные берега высотой в шестьдесят метров, где только две ложбины, вырытые во время дождей водой, давали надежду при большом усилии подняться наверх, на ровное плато, поросшее по краям деревьями. Внизу изгиб своенравного Иртыша, который оставляет вдруг крутизну берега, уходит в сторону, освобождая сухой речной наволок, на который и высадились 23 октября 1582 года казаки под водительством Ермака...

Силы, по свидетельству летописей, Кучум собрал огромные. Здесь были и татары, пришедшие с Кучумом из Европы, и воинство местных племен. Всего их было на Чувашском мысу около тридцати тысяч, армия по тем временам огромная. Командовал ею племянник Кучума Маметкул. Для отражения атак соорудили по краю обрыва засеки из деревьев, прежде всего закрывая эти две вымытые водами ложбины, установили пушки...

Я побывал на месте это исторического сражения спустя 425 лет. Большого труда стоило подняться по этим зарастающим кустарником и деревьями ущельям. С трудом, сдерживая рвущееся дыхание, я вылез на плато Чувашского мыса и подошел к краю обрыва.

Передо мной открылись необозримые просторы, по которым текла станова жила Иртыша со всеми его притоками.

Я глянул вниз, где под солнцем играли воды великой сибирской реки, и меня неудержимо потянуло сделать шаг вперед и вольно воспарить над всеми этими просторами, но тотчас другая неведомая сила толкнула меня назад...

Я сел на траву и закрыл глаза, явственно и зримо представляя то, что произошло здесь четыре столетия назад.

Накануне всю ночь атаманы совещались со своими товарищами: что делать?

Летописец рассказывает: «Голос слабых раздался: «Мы удовлетворены мести, - сказали они, - время идти назад. Всякая новая битва для нас опасна, ибо скоро некому будет побеждать».

Но атаманы ответствовали: «Нет, братья! Нам путь только вперед! Уже реки покрываются льдом, обратив тыл, замерзнем в глубоких снегах, а если и достигнем Руси, то с пятном клятвопреступников: мы обещали смирить Кучума или великодушной смертью загладить наши вины перед государем. Мы долго жили худою славою, умрем же с доброю! Бог дает победу, кому хочет: нередко слабым помимо сильных, да святится имя Его!»

Дружина сказала: «Аминь!» - и с первыми лучами солнца 23 октября устремилась к засеке на Чувашском мысу...»

Ремезов пишет, что сеча у Чувашского мыса была три дня и три ночи, что Ермак потерял в этом сражении 107 лучших казаков. И что в тобольских храмах до сих пор поют им вечную славу. Но утверждение первого историка и географа Сибири можно поставить под сомнение.

Вспомните картину Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Вряд ли она сможет дать истинное представление о генеральной битве на Чувашском мысу. Казаки и их противники находятся практически на одной линии огня, причем казаки в меньшинстве. Татары, остяки и вогулы были умелыми воинами и охотниками, попадавшими соболю или кунице в глаз стрелой. И при таком расположении сил урон у казаков был бы громадным. Скорее всего, погибло бы не сто семь человек, их всех бы перестреляли тут же.

Но есть не только «Повесть о сибирском взятии» Ремезова, а есть и синодик, или список на поминовение погибших в Сибири казаков Ермака. Этот список находится в своде российских летописей в первой части 36 тома так называемых

«Есиповских летописей». Синодик этот составлялся по рассказам уцелевших казаков в начале семнадцатого века, после того, как прибыл в Сибирь архиепископ Киприан, решивший увековечить память казаков, совершивших столь блистательный жертвенный подвиг во имя России.

Так вот в чем загадка: если следовать этому синодику, то в битве под Чувашиским мысом не погибло ни одного казака... Ни одного!

Возможен ли такой фантастический исход генерального сражения? Может быть, ошиблись монахи, опрашивая старых казаков?

Нет. Если бы в войске Ермака были бы большие потери, то вряд ли бы он смог удержаться в чужом суровом краю, и более того, победоносно утвердиться.

Как же тогда происходило это сражение? Кто опишет его? Увы, нет живых свидетелей. Но стоит взглянуть снизу, с наволока на эти неприступные берега, как многое становится ясным.

Сколько казаков высадил на берег Ермак у Чувашиского мыса? Триста, четыреста, пятьсот? Не более. Остальные были на стругах, держа их в готовности.

Утро. Туман. Осторожно подходят казаки к этим неприступным обрывам, укрепленным засеками, и убеждаются, что штурмовать их нет никакого смысла. Всех перебьют поодиночке. Казаки в растерянности, а в это время наверху, как снежный обвал, нарастает ликование. Кого бояться? Неужели эта жалкая кучка людей способна была навести такой страх на великих татарских воинов? И еще минуту назад страх перед грозной казачьей силой, тяготивший их, сменился ликованием еще не свершившейся, но уже божьим провидением дарованной победы...

В один миг были разобраны засеки, и к ложбине во главе с Маметкулом устремились потоком жаждающие славы воины.

Их много, их очень много, а еще больше желания достичь врага, обрушить на него всю силу кривого меча. А врагов мало, слишком мало, чтобы хватило на всех, нужно спешить, торопиться, чтобы прославиться, добыть в бою оружие врага...

Но ложбина сыра, узка, и чем дальше, тем становится все уже. И вот кто-то упал, вслед за ним упал другой, третий, и вот уже целый вал человеческих тел бьется в теснине.

И в это время казаки разворачиваются в строй. Вскинуты заряженные пищали, блеск огня в сером туманном утре, оглушительный грохот пищального залпа, и тотчас душераздирающих крик, стон раненых и умирающих, новый залп, огонь и грохот, еще залп, еще...

Знаменитый казачий пищальный бой. Это когда один стреляет, двое других заряжают. Если стреляло сто пятьдесят человек, то скорострельность должна быть огромная, как будто бы работало несколько пулеметов в узком ущелье. А сверху все напирало, катились вал за валом жаждавшие легкой победы...

Все поменялось в один миг. Несомненная, казалось бы, победа улетучилась, и тут же явился страшный образ ужасного поражения.

Маметкул был ранен в первые минуты боя. Его едва смогли вытащить наверх верные нукеры, которые тут же вместе с командиром и покинули место сражения.

Кучум со своими имамами и мурзами, слыша страшные крики и вопли, грохот орудий, бросил свой стан и ускакал в сторону ишимских степей...

Кто-то еще пытался стрелять из пушек по казакам, но пушки не могли стрелять вниз и после нескольких неудачных попыток произвести выстрелы их сбросили к подножию берега...

Остяки и вогулы, видя какой страшный оборот принимает сражение, решили, что боги не захотели защищать свой народ, и тоже покинули место сражения.

Вряд ли этот бой продолжался более получаса.

...Политическое значение этой битвы огромно. Словно произошел тектонический сдвиг, соединивший воедино два континента - Европу и Азию. В одночасье из умирающей, истерзанной врагами, распятой России явился миру невиданный исполин, который оказался не по зубам любому врагу на многие века вперед.

...26 октября Ермак торжественно вступил в Искер, столицу Сибирского царства. Город был пуст.

В столицах сибирских

Тюмень до того, как стать ей нефтяной столицей Сибири, называли «столицей деревень». Или «всесоюзным дровяным складом». Чем знаменита она была еще? Обским муксуном, сосвинской селедкой, пушниной, да, в общем, это и все, что давали стране гигантские территории, представляющие на Севере почти сплошные болота и озера...

Тюмень была основана в 1586 году. «...по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича Всея Руси указу приидоша с Руси, воеводы Василий Борисов сын Сукин да Иван Мясной с ними многие русские люди и Ермаковы казаки, Черкасс Александров с товарищи и поставиша и воздвигоша ж церковь во имя живоначальные Троицы и прибижище всем православным крестьянам...»

Когда в Западной Сибири нашли нефть, стали думать, как ее взять. Родилась поистине планетарная идея: поставить в районе обской губы пятидесятикилометровую плотину, затопив гигантские просторы, получить для страны дешевую электроэнергию, а нефть и газ добывать с плавучих платформ...

Слава Богу, у А.Н. Косыгина была трезвая голова. На защиту Западной Сибири от затопления поднялись ученые, видные нефтяники, первый секретарь Тюменского обкома легендарный Борис Щербина, директор института геологии Геннадий Богомяков, главный геолог нефтегазового комплекса Сибири,

кстати, француз по национальности, Юрий Эрвье... Новой по-топ удалось предотвратить.

...Ночевали мы в самой большой и на сегодня самой дешевой гостинице Тюмени «Колос». Она была построена в шестидесятые годы. Несколько корпусов ее более походили на студенческие общаги. Я представил, как работала тогда эта гостиница, словно мощный насос, перекачивая все новые и новые партии бородатых, с веселым блеском в глазах геологов, нефтяников, газовиков, строителей на Север области, в болота, в комариный ад на поиски нефти и газа.

За несколько лет население Тюменской области выросло в три раза, достигнув трех миллионов. Такого размаха стройки в таких невероятно тяжелых условиях человечество еще не знало. Мне рассказывали, как лопалось на пятидесятиградусном морозе железо, как пробивались сквозь снежную целину за сотни верст колонны машин по ледовым дорогам, чтобы спасти замерзающие в тундре новые города, и как при этом были счастливы люди, плечом к плечу создававшие энергетическую опору великой страны...

Нефтегазовый комплекс страны строили всем миром. Русские, украинцы, белорусы, татары, азербайджанцы... Конечно, в первую очередь русские, потому что их было многократно больше. Но суть не в этом, а в единении помыслов и сил. Казалось бы, народы обрели то самое Беловодье - страну Истины и Справедливости, страну Живого Огня, о которой рассказывал посланник Владимира Красное Солнышко, старец Сергей, видевший ее воочию...

Но в девяностых годах и до Сибири, четыреста лет не знавшей межнациональных распрей, докатились волны демократии. В составе Тюменской области выделились Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Но,

правда, это разделение было вызвано не национальными, а денежными интересами.

Надо сказать, что сегодня только на Ханты-Мансийск, маленькой городок с численностью населения в пятьдесят тысяч человек, приходится десять процентов российской экономики. За последние годы города Сургут, Урай, Мегион, Лангепас, Когалым совершили огромный скачок, превратившись в сверхсовременные города, залитые электрическим светом под пасмурным сибирским небом.

Что говорить, если в Ханты-Мансийск прилетаешь из Москвы, как из деревни в удивительную, невиданную столицу будущего с фешенебельными гостиницами и роскошными дворцами, где практически еженедельно проходят всевозможные международные фестивали и опять же международные соревнования по различным видам спорта, как зимним, так и летним.

...В конце девяностых началось движение об образовании на юге области с центром в Тюмени татарской автономии. Татар в Тюменской области насчитывается 300 тысяч, десять процентов от всего населения. Поэтому на общем референдуме эта идея народом не была одобрена... Но, как говорят, осадок остался.

Наши коллеги журналисты, увидев на нашей «Ниве» надпись «Дорогами Ермака», смущенно предупредили, что оставлять машину с такими надписями в Тюмени без охраны небезопасно.

Однако машина наша благополучно ночевала за воротами гостиницы, и поутру мы пустились в неблизкий путь на Вагай, там, где под руководством Александра Васильевича Матвеева, доктора исторических наук, работали археологи в поисках следов Ермакова воинства.

...Одержав оглушительную победу под Чувашским мысом 23 октября 1582 года, Ермак стал в глазах сибирских народов человеком, похожим на божество. Царь сибирский Кучум в страхе бежал со своими людьми в ишимские степи и скитался там, вынашивая планы мести.

А Ермак три дня спустя после битвы, отпев молебен, торжественно вошел в столицу Кучумова царства Искер или город Сибирь, который стоял на высоком берегу Иртыша, укрепленный с одной стороны крутизною, глубоким оврагом, с другой тройным валом и рвом. Кучум так стремительно бежал, что не успел захватить большую часть своих богатств. Казаки нашли в Искере множество золота и серебра, азиатских парчей, драгоценных камней, мехов. Спустя несколько дней в город стали возвращаться жители.

Историк Карамзин пишет:

«Скоро явилось множество татар с женами и с детьми, коих Ермак обласкал, успокоил и всех отпустил в их прежние юрты, обложив легкою данью. Сей бывший атаман разбойников, показав себя героем неустрашимым, вождем искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях, и в соблюдении воинской подчиненности, вселив в людей грубых, диких доверенность к новой власти и строгостью усмиряя своих буйных сподвижников, которые, преодолев столько опасностей в земле, завоеванной ими на краю света, не смели тронуть и волоса у мирных жителей.

...Ермак требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и царю земному, и царю небесному. Он думал, что Бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, нежели с большим числом закоснелых грешников. И казаки его, по сказанию тобольского летописца, и в пути, и в столице сибирской вели жизнь целомудренную: сражались и молились!»

...Кучум, казалось, был далеко. Но, едва оправившийся от ранения, племянник его Маметкул уже рыскал со своими воинами в окрестностях Искера.

5 декабря он напал на двадцать казаков, ловивших рыбу на озере Абалак, и побил их всех до единого. Ермак тотчас выступил и яростной битве вновь разбил Маметкула. Причем на каждого казака приходилось до двадцати противников.

...Зиму казаки провели в Искере. Зима была трудной, но под руку Ермака пришли вогульские князья, присягнув на верность России.

Весной лазутчики донесли Ермаку, что дерзкий Маметкул приблизился снова к Иртышу и кочует в районе реки Вагай.

Атаманы выбрали шестьдесят казаков-удальцов, которые глубокой ночью прокрались в стан врага, напали врасплох и захватили в плен самого Маметкула.

Ермак встретил плененного врага с честью. В последствии он отправит его в Москву к царю, где жестокий враг станет верным государевым слугою...

Весной, оставив небольшой гарнизон в Искере, казаки отправились вниз по Иртышу. Улус за улусом мирно признавали власть московскую, обещаясь платить ей дань... Непокорные, решившие оказать сопротивление казакам, разбежались от грохота пушек и пищалей.

Скоро Ермак дошел до Оби. Но далее на север идти не захотел. «...Ибо видел перед собой одни хладные пустыни, где мшистая кора болот едва теплеет от жарких лучей солнца и где среди мерзлых тундр, усеянных мамонтовыми костями, представляется глазам образ ужасного кладбища природы...»

Вернувшись в Искер, Ермак Тимофеевич отправил письмо Строгановым о завоевании Сибирского царства и отправил

в Москву Ивану Грозному поклониться Сибирью посольство во главе с Иваном Кольцо, приговоренном царем за разбой на Волге к смертной казни.

И было в Москве веселье великое. Поход Ермака увеличил размеры России в четыре раза, открыл пути вплоть до Тихого океана в Азию и Китай, нашел новые пустующие плодородные земли...

Но нужно было удержать эти земли, а силы Ермакова воинства таяли с каждым днем.

Можно только удивляться мужеству и отваге, государственническому сознанию казаков. Вчерашние разбойники, жившие неправедным промыслом, захватив в Искере огромные богатства, могли бы вернуться по весне в Россию и устроить безбедную жизнь, отдыхая от походных тягот и ежедневной смертельной опасности.

Но они остались снова зимовать, дожидаясь прихода помощи от государя. И она, эта помощь, пришла вместе с князем Волховским, посланным царем с 500 стрельцами и наградами казакам. Царь простил им все прежние вины и разрешил Ивану Кольцо искать на обратном пути охотников для переселения в Сибирь.

Зима выдалась чрезвычайно суровая. От холода на лету замерзали птицы и падали за землю со стуком. Метели и вьюги не давали возможности охотиться в лесах и ловить рыбу. Люди недоедали, начались болезни, цинга. Первыми не вынесли тягот сибирских стрельцы, умер и сам князь Семен Волховский. От стрельцов заражались более крепкие здоровьем казаки и тоже мерли бесчисленно...

Весной, отправив царю плененного Маметкула, Ермак стал просить помощи из Москвы, чтобы удержать завоеванное. У него оставалась едва ли половина казаков, с которыми он пришел сюда.

А тем временем Кучум не оставлял планов мести. Его ближайший сподвижник Карача умело сыграл роль провокатора. Он всячески умастил Ермаковых товарищей, клялся им в верности и дружбе, присылал богатые дары. И казаки поверили в его искренность. Знаменитый Иван Кольцо, самый близкий сподвижник Ермака, отправившись в гости к коварному мурзе с сорока казаками не помышляя об оружии, был злодейски умерщвлен вместе со своими товарищами.

Вслед за этим Карача поднял восстание русских данников, татар и остяков. Был убит атаман Яков Мещеряк, находившийся в разъезде, вслед за этим Искер был окружен, и началась осада, которая должна была уморить голодом казаков.

Казалось, пришла неминуемая, число врагов было многократно превосходившим, а подмоги ждать было неоткуда.

И тогда последний сподвижник Ермака, атаман Черкас Александров, с самими отчаянными казаками по приказу Ермака ушел ночью в стан врага.

Они кинулись на сонных татар, умертвили их множество в том числе и двух сыновей Карачиных, гнали бегущих во все стороны... В ужасе Карача, сняв осаду, бежал сам. А Ермак двинулся за ним вслед по Иртышу, хотя и сил у него было немного, восстанавливая в племенах и улусах власть России...

Снова мир и спокойствие установилось в сибирской земле.

Ночь перед вечностью

...Это случилось в ночь на 6 августа 1585 года недалеко от впадения реки Вагай в Иртыш. Накануне Ермак получил известие о том, что в устье Вагая Кучум удерживает бухарских купцов.

...Местом гибели Ермака считается устье реки Вагай, впадающей в Иртыш. Однако это не так, поскольку в летописях указывается некая перекопь, которую переходили татары этой ненастной ночью, пробираясь к стану Ермаковой дружины.

Эту-то перекопь как место гибели Ермака и обнаружили археологи методом логических умозаключений.

Перекопь - это наполовину естественное, наполовину искусственное водное сооружение, предназначенное для ловли рыбы.

Обычно, люди находили ручей, в верховьях его копались водоем, русло углублялось, при необходимости спрямлялось. По весне в него заходила на нерест рыба, а перекопь перегородивалась частоколом, около которого и скапливалась отнерестившаяся рыба, когда падала вода. Удивительно простое, эффективное и экологически разумное решение, почему-то ныне забытое... Такие заросшие перекопи я находил на заливных лугах, на месте бывших монастырских огородов на реке Леденге под Тотьмой.

Такая же перекопь была найдена археологами недалеко от Устья реки Вагай при впадении его в Иртыш.

...Сначала мы ехали на перекопь на экспедиционной «Ниве». Дорога после недавнего дождя была разбита колесными тракторами так, что скоро капот нашего вездехода стала заливать жидкая грязь. Пришлось пересаживаться на «ЗИЛ-157» с тремя ведущими мостами. Мы ехали долиной реки Иртыш, на которой местные крестьяне косят травы. Земля была черной и липкой, колеса огромного вездехода едва проворачивались в этом плодородном черноземе, накопленном почвой за столетия. Потом забуксовал в трясине и «ЗИЛ». Пошли искать в полях трактор, чтобы выбраться с его помощью на сухое место.

Еще недавно эти гигантские поля родили хлеб. Теперь только траву. Да и та, похоже, убиралась лишь кое-где... И думаешь, глядя на эти нескончаемые просторы, почему враждуют меж собой люди и народы. Почему и на какой почве вырастает национализм, когда вокруг столько дел, такой непечатый край работы...

Однако вернемся к Ермаку. За то время, пока Ермак находился в Сибири, казаки установили тесные торговые отношения с Китаем, Ираном, Средней Азией.

Получив это тревожное известие, Ермак, не мешкая, выступил в поход с пятьюдесятью казаками. Они плыли по Иртышу день, второй, не встречая ни караванов бухарских купцов, ни дозоров врага.

К вечеру разразилась страшная непогода. Дождь обрушился на землю с неистовой силой, молнии с оглушительным грохотом вспарывали небо, словно дырявый мешок, шквальный ветер гнал по Иртышу пенные волны, превратив его в кипящий котел. Природа словно заранее оплакивала героев.

Около перекопи, где Иртыш раздваивается, отдавая часть своих вод наполовину искусственному руслу, Ермак велел причаливать к берегу. Высота берега в этом месте довольно приличная - более семи метров. Казаки поднялись наверх, промокшие и продрогшие, стали ставить шатры.

Трудно было представить, что в такую бурю кто-то еще может бродить по этим заливным лугам. И казаки повалились спать, не выставив постов.

Но коварный Кучум был совсем рядом. Лазутчик из местных, знавший броды на перекопи, вернулся и доложил, что казаки спят все до единого. Постов нет.

Кучум не решился напасть. Слишком опытен и грозен был Ермак. Кучум сам боялся попасть в ловушку. Многие его верные люди уже изменили ему и ушли под руку Москвы.

Он отправил лазутчика еще раз в стан врага. Тот скоро вернулся и принес в качестве доказательства две казачьи пищали, оставленные без присмотра.

И тогда Кучум решился. Действительно, казаки спали беспробудным сном. Спал под грохот грома и сверканья молний и чуткий Ермак.

Но вот сквозь порывы бури уловило его ухо предсмертный стон.

В одно мгновение воспрянул он ото сна. В свете молний увидел он, как по казачьему стану крадутся враги с кривыми мечами. И вот уже несколько татар навалились на него. Ермак сбросил их с могучих плеч, взмахнул булатной саблей, разя насмерть коварного врага.

- Братья! - крикнул он во всю мочь. Но грохот бури заглушил его призыв. Лишь предсмертные стоны раздавались в ответ.

Снова вспыхнула ослепительная молния. И в свете ее увидел Ермак несметную тучу врага да бьющиеся внизу на волнах казачьи струги.

Ермак отбил наседавших татар и прыгнул с кручи, норовя попасть в струг. Мрак непогоды еще плотнее укрыл разоренное становище казаков, обезглавленные трупы героев, кипящий Иртыш с казачьими стругами на волнах.

...Семен Ульянович Ремезов, летописец и первый географ Сибири, исследовавший сибирскую эпопею Ермака, по всей видимости, мечтал видеть имя Ермака в числе русских православных святых. Похоже, что к этому стремился и первый сибирский архиепископ Киприан, присланный за Урал в начале семнадцатого века, ставший инициатором написания летописи о походе Ермака - Есиповской летописи. В ту пору еще живы были некоторые казаки, которые вышли из Сибири под предводительством последнего атамана Черкаса Александрова.

Эта сотня казаков вышла из Сибири после гибели Ермака лишь временно. Как только русские вернулись на Иртыш, Тобол и Туру, завершить начатое Ермаком вместе с ними по уже хорошо знакомым местам отправились и казаки, продолжая службу царю и Отечеству.

В то время численность коренного населения в Сибири составляла всего около 200 тысяч человек. Татары, ханты, манси, жили по берегам Иртыша и Оби, на Енисее предки современных ненцев - самоеды, пространство от Енисея до Тихого океана занимали эвенки, на Байкале и Амуре жили буряты, монголы. На Чукотке - чукчи, ительмены, коряки, на Камчатке - камчадалы... Оленеводство, рыболовство, охота - вот основные занятия этих народов, образ жизни - кочевой...

Россия в сравнении с сибирским царством была страной высокой цивилизации... Включение Сибири в состав Россий-

ского государства не было колониальным захватом, характерным для государств в Африке и Америке, хотя не всегда этот процесс проходил мирно, а скорее это было продвижение более высокой цивилизации в «хладные пустыни природы».

Не прошло и ста лет, как русские передовики, промышленники и купцы вышли к Тихому океану. И были это устюжане Семен Дежнев, открывший пролив между Азией и Америкой, Владимир Атласов, первым описавший Камчатку, Ерофей Хабаров, составивший чертеж Амура, принесший в Сибирь крестьянский уклад, земледелие, соляной промысел...

Большой русский писатель Валентин Распутин сказал так: «Сибирь должна поставить памятник Великому Устюгу. Ни одно дело в Сибири не делалось без устюжан».

Вслед за устюжанами тотемские купцы проторили путь через Сибирь в Северную Америку, снарядив на новый континент двадцать морских экспедиций... Тотъмич Иван Кусков, соправитель Русско-Американской компании, основал в Северной Калифорнии форт Росс, который жив и по сей день и особо почитается русскими американцами.

...Почти сорок лет прошло после «Сибирского взятия». Владыка Киприан, прибывший в Сибирь, полный миссионерского огня, начавший строительство церквей и монастырей, озаботился судьбой престарелых казаков, которые в нужде и бедности «скитались меж двор». Куда же подевалось богатство, награбленное на Волге и в Сибирском царстве? Где же та «тысяча и сто мешочков», прикопанных перед битвами неглубоко?

Увы, не приобретя себе ничего, Ермаково воинство приобрело России пространства от Урала до Тихого океана. Их кровью и страданиями оплачены сегодня и газ и нефть, которые дают нам хоть и относительное, но благополучие и не

позволяют стране ввергнуться в пучину экономических бедствий... Это их заслуга, отчаянных, беззаветных, храбрых...

Но если в сонме православных святых Ермаку не нашлось пока места, то народы Сибири почти сразу обожествовали своего бывшего врага.

Ермак. Жизнь после смерти

Ремезовская летопись была написана позднее Есиповской. Семен Ремезов во многом опирается на предания и свидетельства местного населения, в памяти которого еще отчетливо сохранялись картины прошлого. В центре летописи - фигура Ермака, который после смерти своей стал объектом культового поклонения туземцев.

После того, как в ночь на 6 августа в водах Иртыша погиб Ермак, единственный уцелевший казак бежал в город Искер, бывшую столицу Кучума, и принес туда ошеломившую всех весть. Оно и понятно. Ведь только на Ермаке, его личности и воле, его воинском таланте, государственной и человеческой мудрости держалась эта беспримерная экспедиция.

Вот что написано у Ремезова:

«Егда же приемше протчие казаки во граде весть, горько плакашся о нем, бо бе вельми мужественен, и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудростью доволен».

Семь дней спустя после этой драмы татарин Яныш Бегишев ловил рыбу на перемет. И тут он заметил в воде ноги, которые раскачивали волны Иртыша. Он не растерялся и, накинув переметную петлю на торчавшие из реки ноги, вытащил на берег утопленника.

На нем был богатый панцирь с царскими печатями и золочеными орлами, с медною опушкою. Ясно, что это был не простой утопленник. Яныш слышал, что несколько дней назад выше по течению была сеча и что многие казаки утонули в Иртыше.

Взволнованный татарин бросился бежать в гору, где стояли юрты Епанчинского селения. Скоро на берегу собрались все его жители. Приехал знатный сановник Кучума мурза Кайдаул. Сомнений не было: перед татарами на берегу лежал сам Ермак, облаченный в панцирь, подаренный ему в честь сибирского взятия Иваном Грозным.

Кайдаул попытался было снять этот панцирь с утопленника, как вдруг изо рта и носа Ермака потекла живая кровь.

Кайдаул был уже не молод и опытен, он сразу понял, что перед ним лежит Божий посланник. Он велел раздеть его и положить нагого на лабаз, как требовала вера и обычаи, бытовавшие в то время у татар, а сам разослал по окрестным городкам гонцов с вестью обретения нетленного тела.

Ермак лежал на высоком лабазе до первого ноября без признаков разложения. И даже птицы, вороны и гагары, не садились на тело, далеко облетая его. Приезжали татары, метали в него стрелы, в священном трепете наблюдая, как из тела Ермака текла кровь.

Наконец, с мурзами, кондинскими и обдорскими князьями прибыл сам Кучум. Татары снова стали метать в тело Ермака стрелы, и тотчас из ран потекла живая кровь.

Вот что говорит об этом исследователь Сибирского похода А.П. Окладников: «В шаманском культе имело место особое отношение к стрелам как к дарам для сверхъестественных существ, обитателей нездешнего мира. Стрелы были высокоценными жертвенными дарами. Стрела служила... почетным даром шаманским духам, должны была умилости-

вить их. Что касается положения именно на лабазе, то у народов Сибири был широко распространен обряд погребения на лабазах, на открытом воздухе, а не в земле. Как правило, такой способ считался почетным. Его чаще удостаивались шаманы».

Значит, уже тогда Ермака сибирцы воспринимали как божественное существо, а тут еще чудо нетленного тела.

Однако в летописи говорится, что Ермак все чаще являлся в видениях многим «басурманам» с требованием предать его земле. И был он в этих снах настолько суров и грозен, что люди те лишались разума.

И татары похоронили его на священном Баишевском кладбище под кудрявой сосной по своему закону, насыпав над упокоившимся героем огромный земляной холм, ставший скоро вместилищем таинственной силы...

В ремезовской летописи по этому поводу говорится:

«И собраша абызом на поминки 30 быков, 10 баранов и учиниша жрение по своему извычаю, поминающе реча: аще ли жива ты учинили бы себе царя, и се видим ты мертва безпамятна русского князя».

Проще сказать, сожалея о его смерти, татары на поминках говорили, что будь он жив, сделали бы его своим царем.

Одежду, оружие, доспехи Ермака знатные татары поделили между собой. И с тех пор стали они священными, оберегаемыми, передаваемые из поколения в поколение. Панцирь, подарок царя достался Кайдаулу, который вскоре стал верным сторонником московского царя. Вокруг этих доспехов на протяжении не одного столетия кипели страсти. За панцирь Ермака безуспешно давали «50 семей ясыря, да 50 верблюдов, да 500 лошадей, 200 быков и коров, 1000 овец».

И только неволею, по приказу царя Алексея Михайловича, панцирь тот был изъят у детей Кайдула и отправлен с со-

тником Ульяном Ремезовым, отцом летописца, в калмыцкие степи для установления добрых отношений с Аблаем, калмыцким правителем.

И говорил тот Аблай, принявший с великой радостью панцирь Ермака, таковые слова: «Когда я был маленьким, сильно болел утробою. И что дали мне пить земли с могилы Ермака, и что здрав теперь и донине... Когда иду в поход, то беру с собой той же земли с Ермаковой могилы, как залог успеха и победы...»

Могила Ермака стала являть многие чудеса исцеления. Предания говорили о том, что над могилой Ермака целый год стоял огненный столб, свидетельствующий о божественной силе усопшего. Причем виделся он только татарам, русские же его не видели. Про Ермака слагались песни и сказки, и когда пели их или рассказывали, слезы текли у слушателей и исполнителей.

Именем Ермака стали божиться и клясться. В летописи сказано:

«И нарекоша богом и погребоша по своему закону...»

Понятно, что такое почитание вчерашнего врага не устраивало правоверных. Абызы и мурзы запрещали всем от мала до велика поминать имя Ермака, чтобы слава и честь этого героя забылись и дорога к его могиле заросла...

Но усилия их не имели успеха. Ермак остался в памяти народов Сибири почитаемым героем, божественным посланником. И долго еще могила его была культовым местом и источала всевозможные чудеса...

А хан Кучум, сын бухарского правителя, поддерживаемый крымским ханом, Ногайской ордой, захвативший власть в Сибирском царстве, которое задолго до этих событий уже платило русскому государству дань, признавая над собой власть Москвы, этот коварный Кучум, вырезавший весь род

правителя Сибири Едигера, спустя недолгое время был окружен русским воинством под предводительством Ивана Кольцова и разбит.

...Наконец-то, с помощью трактора, мы вырвались из трясины и добрались до берега Иртыша. Здесь повсюду были видны следы раскопок. Однако сколько-нибудь существенных находок, относящихся ко времени Ермака, археологи не нашли.

- А их здесь и не может быть, - подтвердил начальник экспедиции Матвеев, - хотя это то самое место, где произошел последний бой Ермака. Теоретически.

- Как же это может быть - теоретически? - удивился я. - А где же артефакты?

- Увы, - грустно отвечал археолог. - Все дело в Иртыше. Само название его переводится как «землерой». За год он выгрызает от десяти до пятнадцати метров берега. Значит, за четыре с лишним века он ушел в сторону на несколько километров, перелопатив все древние городища, места стоянок, боев, захоронений.

Но теоретически это вот то самое место, где свершилась кровавая драма Ермакова воинства, с поправкой на пять-шесть километров...

- Значит, и могилы Ермака нет? - спросил я, как громом пораженный.

- И могилу Ермака, и могилы его товарищей - все поглотил Иртыш и вынес в Мировой океан... - отвечал, грустно покачивая головой, археолог Матвеев.

Я ушел один на берег Иртыша. Внизу свивала мутно-желтые струи великая труженица река, поглотившая и древнюю столицу сибирского царства Искер, следы и клады Ермака с дружиною, городища и аулы Кучума, капища и стойбища

вогулов и остяков, устраивая природу по своему, только ей ведомому закону...

Было грустно, но странное чувство испытывал я, будто бы за моими плечами, заполняя все видимое и невидимое пространство, стоит дух великого воина и гражданина, ставшего до боли родным и близким, Ермака Тимофеевича...

«Роду безвестного», как сказал Карамзин. Но это не так. Мы же уверенно можем сказать, что был он роду русского.

СОДЕРЖАНИЕ

Ночные видения	5
На Дону	7
Тотьма.....	12
В Великом Устюге	21
Красноборск	24
На поиски колодца Ермака	28
По соляному волоку.....	35
От Кирова до Хлынова	39
Куда ушли Строгановы.....	43
Землянка на Чусовой	58
Варначий край	64
Атаман на Чусовой.....	73
Сибирское взятие	80
В столицах сибирских	88
Ночь перед вечностью	95
Ермак. Жизнь после смерти	101

В оформлении книги использованы миниатюры из Кунгурской летописи (издание 1880 года).

Автор выражает признательность Правительству Вологодской области и лично Губернатору Вячеславу Евгеньевичу Позгалеву, Волжскому автомобильному заводу, Вологодскому филиалу НТК «Лукойл», Вологодскому клубу деловых людей, оказавших помощь в организации экспедиции по дорогам Ермака и издании этой книги.

Анатолий Ехалов
Дорогами Ермака
от Сухоны до Иргыша

ISBN 978-5-86402-291-1

© Ехалов А.К.

© Фото Анатолия Ехалова,
Владимира Ильина, Татьяны Мишуриной

© Дизайн Марины Кулаковой, Виктора Латкина

© Верстка Татьяны Купецковой

Подписано в печать 05.09.2007. Формат 60x84/16.

Тираж 2500. Усл. печ. л. 6,75. Зак. 2589.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО ПФ «Полиграфист»
160001, г.Вологда, ул. Челюскинцев, 3